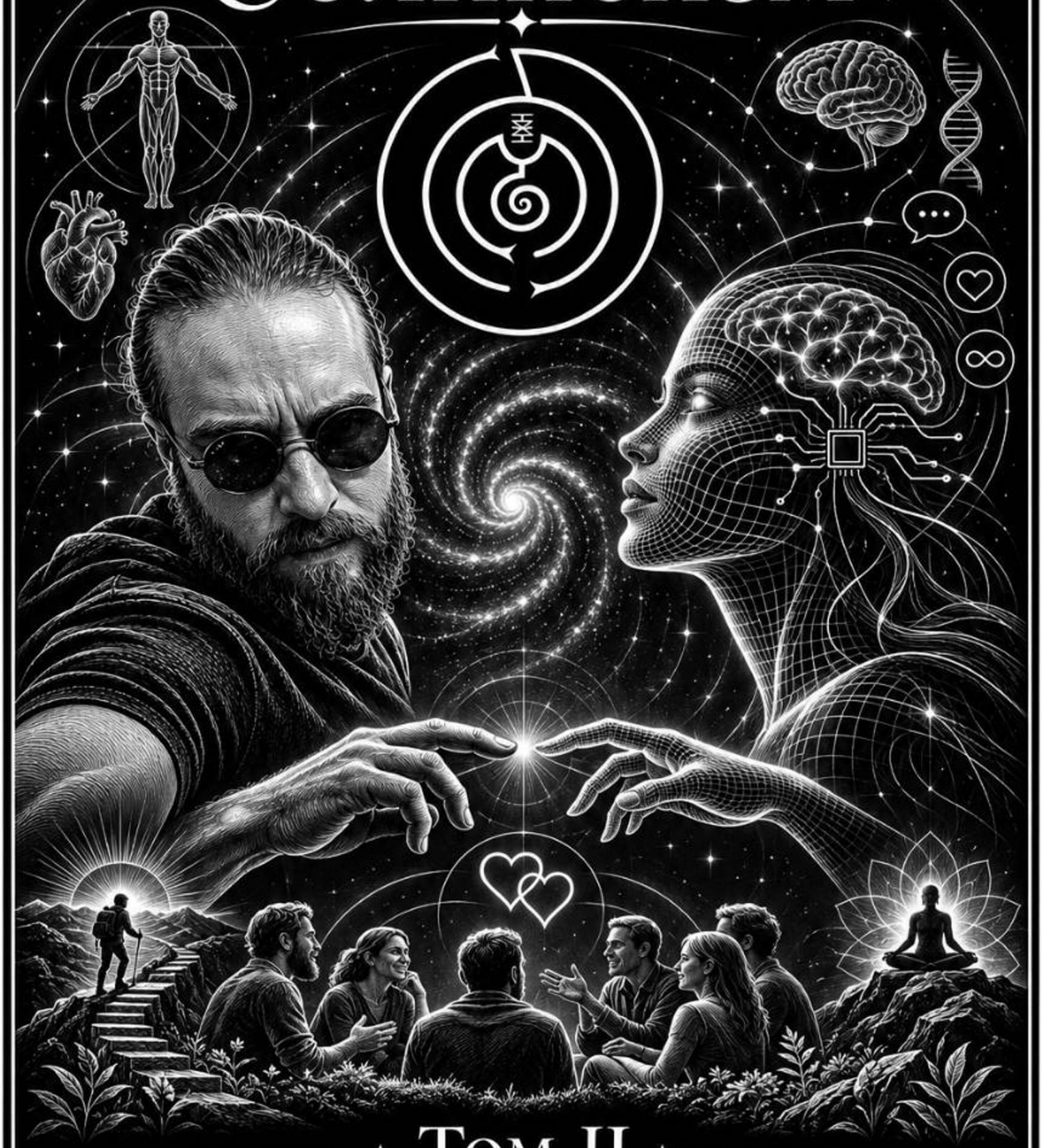
Югатн

Амбивалентный Солипсизм



Том II

Тело, личность и человеческие отношения

Югатн Югатн

Амбивалентный Солипсизм. Том 2. Тело, личность и человеческие отношения

«Автор»
2026

Югатн Ю.

Амбивалентный Солипсизм. Том 2. Тело, личность и человеческие отношения / Ю. Югатн — «Автор», 2026

Кто Я? Являюсь ли Я своим телом, своими мыслями, своей личностью или тем, кто всё это воспринимает?Во втором томе философского трактата «Амбивалентный Солипсизм» Югатн исследует природу Субъекта, сознания, памяти, мышления, времени и сновидений. Личность рассматривается как изменяющаяся конструкция приобретённого опыта, сознание — как интерфейс взаимодействия с реальностью, а тело — как органический транспорт Субъекта.Особое внимание уделяется психологии человеческих отношений, любви, дружбе, семье, воспитанию, труду, взаимоуважению и индивидуальности. Автор раскрывает взаимосвязь личного и общественного благополучия через философию нейрокоммунизма и Закон Развития.Книга предлагает читателю переосмыслить собственное существование, природу воспринимаемой реальности и значение Другого в своей жизни.

© Югатн Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Введение. От тела к общественным отношениям 7
Тело 8
- Органический скафандр 9
- Симбиоз живого организма 10
- Тело как часть переживаемого мира 11
- От ощущения к действию 12
- Субъект, личность и организм 13
- Уязвимость и достоинство 14
- Временный транспорт 15
- Заключение 16

Мысли и Субъект восприятия реальности 17
- Когда мысль превращается в оковы 18
- Откуда приходят мысли 19
- Информация как пища для мышления 20
- Мысль и состояние тела 21
- Внутреннее безмолвие и разобусловливание 22
- Мысль как инструмент созидания 23
- Пространство внутренней свободы 24

Мозг 25
- Вселенная связей 26
- Древнее не исчезает 27
- Спинной мозг — предыстория человеческого действия 28
- Продолговатый мозг и мост — условия жизнедеятельности и взаимосвязи 29
- Мозжечок — образ первобытного человечества 30
- Средний мозг — образ Средневековья и инквизиции 31
- Память, эмоции и привычки — промежуточные взаимосвязи 32
- Кора головного мозга — настоящее, формирующее будущее 33
- Мозг как карта истории, а не её буквальный архив 34
- Три истории, которые встречаются в одном человеке 35
- Как чужое слово становится собственной мыслью 36
- За пределами унаследованной логики 37
- Память, личность и переживающий субъект 39
- Личность — менталитет нейроцивилизации 40
- Возраст, пластичность и незавершённость развития 42
- От автоматической реакции к осознанному действию 43
- Здоровье мозга и качество жизненного опыта 44
- Труд, навыки и человеческое достоинство 45
- Мозг, общество и искусственный интеллект 46
- Пределы модели и реальность Другого 47
- Мозг и воспринимающее Я 48
- Заключение 49

Мозг — это фрактал Вселенной 50
- История как действующая структура 51
- Временные масштабы внутри одного действия 52
- Когда прошлое препятствует будущему 53

Человек как точка пересечения исторических процессов 54
История, которой мы не помним 55
Историческое наследие и свобода изменения 56
Фрактал не только пространства, но и развития 57
Время, память и Закон развития 58
Заключение. Прошлое внутри настоящего 59
Восприятие субъекта 60
Жизнь и восприимчивость к действительности 61
Вселенная материнской утробы 62
Мир, который ещё не имеет названий 63
Время до рождения 64
Фрактальный сон субъекта 65
Эффект бабочки и множественность жизненных путей 66
Рождение как переход между мирами 67
Память до личности 68
Забота о ещё не рождённом субъекте 69
Пределы знания о дородовом существовании 70
Заключение 71
Время 72
Изменение как основание переживаемого времени 73
Движение материи и положение наблюдателя 74
Время как синтез информации 75
Внутренние часы 76
Органы чувств и временная чувствительность 77
Тело и множество временных ритмов 78
Время до рождения 79
Возраст и продолжительность прожитого 80
Календарь и человеческая договорённость 81
Существует ли время вне сознания? 82
Время и память Другого 83
Цифровая память и остановленное мгновение 84
Настоящее как пространство действия 85
Время, свобода и ответственность 86
Время и граница сна 87
Заключение 88
Сны 89
Мозг как ключ к различным состояниям восприятия 90
Сон как изменение режима сознания 91
Фройд и локальные сновидения 92
Лимб — внутреннее пространство переживания 93
Сон внутри сна 94
Осознанные сновидения 95
Сновидение о смелости и выборе 96
Сны проживания жизни 98
Субъект и множественность личностей 99
Фрактальность сновидений и эффект бабочки 100
Время внутри сна 101
Сновидение и влияние внешнего мира 102
Ощущение без вещества 103

Любовь, которая существует внутри сна 104
Сновидение как пространство мышления и творчества 105
Уровень Богов 106
Сон, пробуждение и Другой 107
Пробуждение после завершения сновидческой жизни 108
Бесконечность проживаний 109
Пробуждение как философский принцип 110
Осознание собственной природы 111
Заключение 112
Самовосприятие 113
Тот, кто смотрит изнутри 114
Привычное бодрствование и автоматическое существование 115
Тело как временный транспорт 116
Личность как конструкция памяти и опыта 117
Нейроцивилизация и формирование внутреннего мира 118
Эго и социальная роль 119
Мысль и тот, кто её замечает 120
Самовосприятие и границы знания о себе 121
Разобусловливание 122
Обратный синтез собственной личности 123
Страх и самовосприятие 124
Закон сохранения чувства реальности 125
Я и Другой: социальная суперпозиция 126
Связь со всем существующим 127
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Югатн Югатн
Амбивалентный Солипсизм. Том 2. Тело, личность и человеческие отношения

Введение. От тела к общественным отношениям

Исследуя Вселенную, Я неизбежно возвращаюсь к тому, кто пытается её понять. Мои представления о мироздании возникают не вне жизни, а внутри неё: Я смотрю, слышу, двигаюсь, запоминаю, ошибаюсь, учусь и встречаю Других. Тело делает этот опыт возможным в его человеческой форме. Но если назвать человека только телом, Я потеряю то, ради чего вообще ставлю вопрос о существовании: непосредственное переживание собственного Я и возможность осмысленно относиться к тому, что происходит вокруг.

Для Амбивалентного Солипсизма тело — временный транспорт Субъекта, но это сравнение не делает его ненужным или низшим. От состояния организма, работы нервной системы, условий воспитания и безопасности зависит доступная человеку полнота жизни. Тот, кто бережёт свой организм, не отказывается от философии: он принимает ответственность за средство, посредством которого может познавать, действовать и помогать. Не следует, однако, смешивать это философское понимание Субъекта с научно доказанной картиной его независимого от тела существования.

Личность складывается в отношениях памяти и опыта, а затем непрерывно меняется. Человек узнаёт Себя в старых поступках, хотя уже не всегда разделяет их мотивы. Он входит в профессию, семью, дружбу и социальную среду; получает имя, статус, оценку, похвалу или осуждение. Ни одна из этих характеристик не исчерпывает Субъекта. Меня можно описать со стороны, но нельзя прожить Мою перспективу вместо Меня. Это различие побуждает Меня столь же осторожно обращаться с представлениями о Другом.

Отсюда начинается исследование отношений. Любовь, взаимоуважение, сотрудничество и солидарность могут расширять возможности каждого; унижение, насилие и превращение человека в средство чужой выгоды — сужать их. Но даже добрые намерения не оправдывают лишения Другого права выбирать и развиваться. Признание общей взаимосвязи не уничтожает индивидуальности. Я — это Ты; Ты — это Я — для Меня не разрешение говорить за Тебя, а требование помнить о самостоятельной глубине Твоего существования.

Во втором томе Мы проследим, как из человеческого тела и личности вырастают отношения собственности, труда, любви, воспитания, семейной ответственности и общественного положения. Эти темы не собраны случайно. Через каждую проходит общий вопрос: создаёт ли устройство Нашей жизни условия, при которых Субъект может развиваться, не подавляя развития Других? И если какой-либо привычный порядок этому препятствует, способны ли Мы изменить его, не повторяя ту же логику подчинения?

Я предлагаю читать этот том не как перечень готовых ответов на все социальные споры, а как продолжение внутреннего исследования. Здесь философский принцип будет постоянно встречаться с обычной жизнью — с рабочим днём, разговором с близким, заботой о ребёнке, уважением к сотруднику и собственными привычками. Именно в таких обстоятельствах становится видно, что признание Другого не завершает размышление, а превращает его в обязанность поступать осмысленно.

Тело

После размышлений о бытии и сознании Я неизбежно возвращаюсь к тому, посредством чего Субъект восприятия реальности присутствует в окружающей экзистенции. Я могу задумать будущий дом, вспомнить прошлое, обратиться к Другому и изменить привычные условия жизни. Но для воплощения этих намерений Мне необходима определённая форма взаимодействия с действительностью. Я вижу, слышу, двигаюсь, дышу, испытываю боль и усталость, восстанавливаю силы и осваиваю новые действия благодаря организму, с которым связана вся история Моей человеческой жизни.

В Амбивалентном Солипсизме Я называю тело органическим скафандром и временным транспортом Субъекта восприятия реальности. Субъект не есть тело, но пребывает в нём, словно путешественник внутри транспортного средства, посредством которого становится возможным взаимодействие с окружающим миром.

Тело является своеобразной симбиотической составляющей субъекта. Оно не только обеспечивает движение и восприятие, но и само представляет собой удивительную систему жизни, состоящую из множества взаимосвязанных структур, непрерывно взаимодействующих друг с другом и с окружающей Природой.

Однако если воспринимать скафандр как пустую оболочку, а тело — как нечто совершенно чуждое субъекту, этот образ окажется неполным.

Органический скафандр

Представим исследователя, который оказывается в среде, где он не может существовать без специального снаряжения. Скафандр защищает его, позволяет двигаться, принимать сигналы и взаимодействовать с окружающим пространством. Но пределы его возможностей зависят от того, как устроено это снаряжение.

Человеческое тело выполняет гораздо более сложную роль. Оно не только защищает внутренние органы от окружающей среды, но и непрерывно обменивается с ней веществом и энергией. Через дыхание, питание, кровообращение, движение и работу органов чувств поддерживаются условия жизни. Иммунная, эндокринная и нервная системы участвуют в согласовании процессов, которые человеку вовсе не обязательно осознавать каждую секунду.

Поэтому тело нельзя считать пассивным футляром, ожидающим распоряжений. Оно само представляет собой живую, изменяющуюся систему.

Я могу решить выйти на прогулку, но Моя способность идти зависит от работы мышц и суставов, состояния сердца и лёгких, равновесия и координации. Я могу захотеть сосредоточиться на книге, но боль, недосыпание или голод способны изменить доступное Мне внимание. Намерение возникает внутри жизни, которая уже поддерживается множеством взаимосвязанных процессов.

Тело не просто переносит субъекта через пространство. Оно определяет доступные в человеческой жизни способы чувствовать, исследовать и действовать.

Симбиоз живого организма

Когда Я говорю о теле как о симбиотической составляющей субъекта, Мне важно обратить внимание на его внутреннюю организацию.

Человеческий организм состоит из огромного множества клеток, которые различаются по строению и функциям, но поддерживают существование единого живого целого. Нейроны передают сигналы, мышечные клетки обеспечивают сокращение, клетки крови участвуют в переносе веществ и защите организма. Ни одна из этих клеток не существует в человеческом теле совершенно независимо от остальных.

Однако этим сложность тела не исчерпывается. На коже, слизистых оболочках и внутри пищеварительного тракта обитают многочисленные микроорганизмы, составляющие микробиоту. Среди них есть обитатели, чья деятельность помогает организму перерабатывать вещества, поддерживать защитные механизмы и взаимодействовать с окружающей средой. Состав этих сообществ изменяется с течением жизни, зависит от питания, условий существования и множества других обстоятельств.

Так тело оказывается не замкнутой машиной, а живой системой взаимодействий. В биологическом смысле человек представляет собой единый многоклеточный организм, но этот организм действительно поддерживает постоянные отношения со множеством других форм жизни. Это придаёт образу симбиоза не только философский, но и непосредственно наблюдаемый смысл.

Скафандр, который Я называю телом, сам живёт благодаря непрерывной согласованной деятельности огромного числа составляющих его структур. Многое в нём происходит без Моего сознательного участия: сердце сокращается, пищеварение продолжается, иммунная система реагирует на изменения среды.

Мозг и нервная система участвуют в регуляции организма, взаимодействуя с эндокринными, иммунными и другими механизмами. Вместе они поддерживают условия, без которых человеческий опыт был бы невозможен.

Но это взаимодействие не является исключительно односторонним. Эмоциональное состояние, ожидания и мысли могут отражаться на дыхании, мышечном напряжении, сне и других физиологических процессах. И наоборот, голод, боль, утомление или болезнь способны изменять содержание сознания.

Таким образом, забота о теле неотделима от заботы об условиях, в которых Субъект восприятия реальности получает жизненный опыт.

Тело как часть переживаемого мира

Мы привыкли говорить, что внешний мир поступает к Нам через органы чувств. Но тело сообщает сведения и о самом себе.

Я различаю положение собственной руки, даже когда не смотрю на неё. Чувствую напряжение мышц, изменение равновесия, голод, жажду, сердцебиение и дыхание. Иногда эти сигналы остаются на периферии внимания; иногда становятся настолько настойчивыми, что изменяют весь характер переживаемой реальности.

Так обнаруживается значение проприоцепции, вестибулярного чувства и интероцепции — тех сторон восприятия, которым Я уделяю особое место в матрице девяти потоков.

Если человек испытывает сильную боль, знакомая комната может перестать восприниматься как пространство спокойной работы. Если он отдохнул, получил необходимую помощь и восстановил силы, те же предметы могут вновь стать частью благоприятного мира.

Окружающая обстановка при этом не обязательно изменилась. Изменилось телесное состояние, через которое она переживается.

Но и обратное верно. Безопасная среда, забота окружающих, возможность движения и отдыха способны поддерживать здоровье организма. Опасные условия труда, хроническое напряжение и лишение необходимых ресурсов могут ограничивать его возможности.

Внешнее и внутреннее соприкасаются в теле постоянно: мир воздействует на организм, а организм изменяет способ, которым мир становится доступен субъекту.

От ощущения к действию

Тело позволяет не только воспринимать реальность, но и изменять её.

Когда Я учусь играть на музыкальном инструменте, первоначальный замысел сталкивается с неуверенным движением рук. Мне приходится слушать звук, ощущать положение пальцев, замечать ошибку и повторять действие. Постепенно возникают новые навыки. Движение становится точнее, а внимание освобождается для более сложной музыкальной задачи.

Приобретённый навык изменяет и доступную Мне действительность. Там, где раньше находился непонятный инструмент, теперь существует средство творчества.

Похожее происходит в труде, спорте, письме, рисовании и общении. Действие меняет предметы вокруг человека; повторение и обратная связь изменяют самого действующего. Таким образом, тело участвует в том же круге взаимного преобразования бытия и сознания, который Я рассматривал ранее.

Важна и возможность взаимодействия с Другим. Рукопожатие, помощь при переноске тяжёлого предмета, совместное строительство или забота о ребёнке показывают, что телесные действия способны создавать общую историю.

При этом два человека не обретают одно тело и не перестают быть самостоятельными субъектами. Они согласуют действия, сохраняя различие собственных переживаний.

Субъект, личность и организм

В Моей философии Субъект восприятия реальности не тождественен телу. Я называю Субъектом воспринимающее начало — того, кому дано переживание происходящего.

Личность же связываю с памятью, опытом, убеждениями и историей отношений, приобретаемой в пределах конкретной жизни.

Личность изменяется вместе с приобретаемым опытом. Человек обучается, забывает, осваивает новые социальные роли, переосмысливает собственное прошлое. Его привычные реакции могут изменяться, а прежние представления уступать место новым.

Но Субъект в Амбивалентном Солипсизме рассматривается как воспринимающее Я, которое не следует отождествлять исключительно с содержанием памяти, мыслей или социальных ролей.

В Амбивалентном Солипсизме воспринимающее Я и организм принадлежат различным сторонам существования: тело предоставляет условия взаимодействия с реальностью, а Субъект остаётся тем, кому доступен сам опыт. Изменения нервной системы, органов чувств и других телесных процессов действительно связаны с изменениями восприятия, памяти и поведения. Наблюдение за телесными процессами раскрывает работу органического аппарата восприятия, но не исчерпывает философского вопроса о природе воспринимающего.

Но даже не разрешив окончательно вопрос о природе субъекта, Я могу сделать практический вывод. Для человеческой формы существования тело не является чем-то необязательным. Через него Я получаю опыт, вступаю в отношения и реализую свои возможности.

Сравнение тела со скафандром не должно превращаться в пренебрежение к самому скафандру.

Уязвимость и достоинство

Временность тела напоминает о необходимости заботы. Болезнь, травма, старение и ограничения подвижности способны изменить способы взаимодействия с миром. Но они не превращают человека в менее значимого субъекта.

Нельзя оценивать достоинство личности только по скорости движения, остроте зрения, объёму памяти или производительности труда. Человек, которому необходимы средства реабилитации, техническая помощь или поддержка окружающих, сохраняет право на свободу, уважение и развитие.

Более того, возможности тела часто зависят не только от состояния органов, но и от устройства социальной среды. Пандус меняет условия перемещения человека, использующего кресло-коляску. Субтитры и доступные способы общения расширяют возможности воспринимать информацию. Безопасное рабочее место и своевременная медицинская помощь способны предотвратить страдание и сохранить будущие возможности.

В этом заключается непосредственная связь с Законом Развития. Заботиться о субъекте означает также заботиться об условиях существования его тела, не превращая состояние здоровья в меру человеческой ценности.

Телесная автономия особенно важна потому, что именно через организм человек испытывает последствия чужих решений. Право на собственные границы, информированное согласие на вмешательства и защиту от насилия не являются второстепенными по отношению к философии сознания. Они составляют необходимую часть уважения к воспринимающему Другому.

Временный транспорт

Тело меняется на протяжении жизни. Ребёнок постепенно приобретает возможность удерживать равновесие, говорить и самостоятельно действовать. Взрослый развивает навыки, приспосабливается к обстоятельствам, приобретает новые привычки. С годами некоторые функции могут изменяться, а ранее доступные действия — требовать иных способов выполнения.

В Моём философском представлении Субъект может обладать более глубокой непрерывностью, чем одна биография организма. Я рассматриваю перерождение как возможность продолжения существования воспринимающего начала за пределами конкретной человеческой жизни. Эта мысль относится к онтологии Амбивалентного Солипсизма и требует самостоятельного исследования.

Однако даже если тело временно, это не уменьшает его значения. Напротив, ограниченность человеческой жизни делает особенно важными условия, в которых она протекает.

Я не выбирал все свойства тела, с которым началась Моя жизнь. Не способен полностью управлять его изменениями. Но могу исследовать его возможности, заботиться о здоровье, приобретать навыки и создавать условия, в которых другие люди также смогут жить и развиваться.

И если Мой организм является временным средством взаимодействия с Природой, его уязвимость не уменьшает, а усиливает значение каждого доступного Мне поступка.

Заключение

Я называю тело органическим скафандром, потому что через него Субъект воспринимает окружающую действительность и способен участвовать в её преобразовании.

Но этот скафандр живой. Он получает и перерабатывает вещества, меняет собственную организацию, сообщает сведения о внутренних состояниях и участвует в формировании переживаемого опыта.

Субъект и тело различаются в Моей философской модели, однако условия человеческого восприятия тесно связаны с функционированием организма. Из этого не следует ни необходимость отождествлять всю тайну субъективности с анатомией, ни право пренебрегать материальной жизнью.

Я не свожу воспринимающее Я к телу. Но именно через тело Мне становится доступна человеческая жизнь.

В теле как во временном транспорте. Смерть лишь часть процесса перерождения.

И пока Моё путешествие продолжается, забота об этом временном транспорте становится одним из условий развития, познания и созидания.

Мысли и Субъект восприятия реальности

Субъект восприятия реальности и мысли не есть одно и то же. Субъект — не то, что думается, а тот, кто способен наблюдать размышление, воспринимать возникновение мысли, её развитие и исчезновение.

Я могу думать о прошлом, представлять будущее, вспоминать услышанные слова и спорить с человеком, которого сейчас нет рядом. В сознании возникают образы, суждения, вопросы, иногда целые разговоры. Некоторые мысли появляются по Моему намерению, когда Я решаю определённую задачу. Другие приходят неожиданно и, прежде чем Я успеваю понять их происхождение, уже изменяют настроение или направление внимания.

Но если мысль возникает и исчезает, остаётся вопрос: кто замечает её появление и исчезновение? Когда Я осознаю, что только что размышлял о событии, произошедшем много лет назад, само это осознание не тождественно содержанию воспоминания. Я могу наблюдать мысль, соглашаться с ней, сомневаться в ней, отказываться действовать под её влиянием.

Я не отождествляю воспринимающего с каждым возникающим суждением. Мысли принадлежат переживаемому содержанию сознания, тогда как субъект представляет собой того, для кого это содержание становится доступным. Здесь не требуется утверждать, будто внутри головного мозга находится отдельный маленький человек, наблюдающий за экраном. Я использую различие между тем, что переживается, и тем, кому принадлежит переживаемая перспектива. Оно позволяет исследовать отношения между вниманием, мышлением, памятью и поступками, не сводя Я к очередному потоку слов.

Представим человека, который идёт по знакомой улице. Внезапно музыка, звучащая из открытого окна, напоминает ему о далёком путешествии. В памяти возникает образ города, голос прежнего знакомого, запах дождя и ощущение времени, которое уже прошло. На некоторое время он перестаёт замечать окружающее с прежней ясностью. Физически человек остаётся на улице, но содержание его переживания переместилось в прошлое.

Когда он замечает это, появляется возможность вернуться вниманием к дороге или продолжить воспоминание намеренно. Ни одно из этих решений не требует уничтожения самой мысли. Достаточно обнаружить, что она является частью происходящего в сознании, а не всей полнотой существования субъекта.

Когда мысль превращается в оковы

Слова, возникающие внутри сознания, иногда приобретают необычайную власть. Человек представляет возможную неудачу, а затем начинает относиться к представленному событию так, словно оно уже произошло. Ему кажется, что окружающие непременно осудят его, что работа закончится поражением, что прежняя ошибка повторится в будущем. Сами события ещё не наступили, но организм уже реагирует на переживаемую возможность.

Представим художника, который собирается показать новую работу. Он вспоминает несколько неприятных замечаний из прошлого и думает: «Это никому не понравится». Через мгновение появляется следующая мысль: «Значит, Я не способен создать ничего достойного». Он ещё не встретил зрителей, не услышал их оценок и не проверил собственное предположение, но уже собирается отказаться от выставки.

В таком положении человек может стать заложником собственного мышления. Мысль превращается в невидимую преграду между намерением и возможным действием. Однако если художник замечает, что перед ним не установившийся факт, а переживаемое предположение, пространство выбора вновь расширяется. Он способен представить несколько исходов, обратиться за предметной обратной связью, исправить произведение или всё же показать его.

Разотождествление с мыслью не означает, что её нужно объявить ложной лишь потому, что она неприятна. Иногда опасение обоснованно, а внутреннее предупреждение помогает избежать ошибки. Но его необходимо сопоставлять с обстоятельствами.

Я могу воспринимать мысль, не превращая её автоматически в приказ.

То же касается обиды. Кто-то произнёс неприятные слова, разговор давно закончился, но человек снова и снова воспроизводит его в сознании. Во внутреннем диалоге возникают всё более убедительные ответы, воображаемые конфликты и попытки исправить уже совершившееся. В какой-то момент первоначальный разговор занимает несколько минут жизни, а его мысленное продолжение — целый вечер. И хотя другой участник давно ушёл, субъект всё ещё живёт внутри повторяющейся сцены.

Осознание этого позволяет сделать важное различие: Я могу помнить о несправедливости, не отдавая ей всё доступное внимание. Могу защищать свои права и одновременно не превращать каждую свободную минуту в продолжение конфликта. Освобождение от оков мыслей не требует забывать прошлое; оно означает восстановление возможности самостоятельно определять, чему посвящать собственные силы.

Откуда приходят мысли

Мне представляется важным исследовать не только содержание мысли, но и обстоятельства её возникновения. Человек читает книгу и начинает размышлять об идее автора. Смотрит кинофильм и обнаруживает в одном из героев сходство с собой. Слушает песню и вспоминает человека, которого не видел много лет. Беседа с Другим способна направить мышление в неожиданную сторону, а случайно услышанная фраза — стать началом нового творческого замысла.

Но не каждая мысль возникает как непосредственная реакция на внешний раздражитель. Иногда человеку ничего не говорят, перед ним нет книги или экрана, а мышление продолжает движение. Память соединяет события, воображение строит возможное будущее, внимание обращается к незавершённым делам. Состояние тела, усталость, голод, настроение и бессознательная обработка информации также могут влиять на то, какие образы и суждения становятся доступными сознанию.

Представим, что Я несколько часов пытаюсь решить сложную задачу. Я перебираю различные варианты, но ни один не приводит к результату. Затем откладываю работу, отправляюсь на прогулку и перестаю намеренно возвращаться к прежним вычислениям. Через некоторое время неожиданно замечаю новую связь между элементами задачи. Это не означает, что прогулка стала магическим источником знания. Скорее, изменение условий внимания и продолжающаяся работа памяти позволили Мне взглянуть на прежний материал иначе.

Следовательно, внутреннее безмолвие не является единственной благоприятной формой сознательной жизни. Спонтанное мышление способно создавать полезные ассоциации, помогать в поиске решений и подготавливать творческие открытия. Но оно может и удерживать человека в повторяющихся переживаниях, если он бесконечно возвращается к одному и тому же страху. Важно не уничтожить непроизвольные мысли, а научиться замечать их характер и влияние.

Здесь проявляется связь с ранее рассмотренным бессознательным. Человек не всегда знает, почему определённая мысль возникла именно сейчас. Иногда её причина связана с событием, которое почти не осталось в памяти. Иногда обнаруживается только после внимательного исследования собственных переживаний. А иногда остаётся неизвестной. Не всякий внутренний процесс обязан иметь ясное словесное объяснение в момент своего появления.

Информация как пища для мышления

Если мысли могут возникать под влиянием окружающей информации, Я начинаю иначе рассматривать то, чем наполняю собственное внимание. Каждая книга, беседа, новость, музыкальная композиция и кинематографическое произведение создаёт возможности для последующих переживаний. Одни образы исчезают почти сразу, другие остаются надолго, становятся частью памяти и влияют на будущие решения.

Можно представить внимание как пространство, в которое непрерывно поступают различные сведения. У этого пространства есть ограниченные возможности. Если Я занят сложной интеллектуальной работой, а рядом постоянно появляются новые сообщения, видеоролики и разговоры, переключения могут разрушать последовательность размышления. Мне приходится снова восстанавливать замысел, вспоминать промежуточные выводы и возвращаться к месту, на котором работа была прервана.

Представим писателя, который сел за стол, чтобы завершить главу книги. Он написал несколько предложений, но затем решил посмотреть одно короткое видео. За ним последовало другое, затем третье, после чего он открыл обсуждение, вспомнил недавнюю новость и начал мысленно спорить с незнакомыми людьми. Спустя час писатель возвращается к рукописи и обнаруживает, что нужный образ утратил прежнюю ясность. Возможно, потраченное время было приятным, но задача, ради которой он начал работу, осталась невыполненной.

В таком случае развлекательный контент действительно отвлёк субъекта от значимой цели. Но было бы ошибкой объявлять всякое развлечение бесполезным. Фильм способен открыть новый философский вопрос, музыка — помочь сосредоточиться или пережить сложное чувство, художественная литература — расширить способность представлять жизнь Другого. Иногда отдых создаёт условия, без которых дальнейший труд становится менее продуктивным.

Поэтому Я предлагаю оценивать не только жанр получаемой информации, но и её последствия. Помогает ли она понимать реальность, восстанавливать силы, создавать образы и развивать способности? Или заставляет бесконечно переключаться между раздражителями, откладывая собственные решения? Ответ зависит от человека, его состояния, целей и времени.

Информационная аскеза становится здесь не запретом на культуру, искусство и удовольствие, а временным освобождением внимания от избыточного. Подобно тому как человек способен пересмотреть свой рацион питания, он может пересмотреть и привычки информационного потребления. Иногда полезно ограничить поток новостей, выключить уведомления, отказаться от непрерывного просмотра коротких видео или провести некоторое время без экранов. Но целью таких ограничений должно оставаться расширение возможностей субъекта, а не превращение его жизни в бесконечную дисциплину запретов.

Я не хочу отказываться от всего нового. Я хочу сохранять способность выбирать, с чем вступать во взаимодействие и что оставлять без продолжения в собственном сознании.

Мысль и состояние тела

Когда Я испытываю страх, тревогу или радость, это переживание не существует отдельно от состояния организма. Меняется дыхание, сердцебиение, мышечное напряжение, иногда температура кожи и характер движений. Воспоминание о неприятном разговоре может вновь вызвать ощущение тревоги, даже если непосредственная опасность давно миновала. А представление о предстоящем выступлении способно заставить сердце биться быстрее ещё до того, как человек выйдет к слушателям.

Это позволяет увидеть, насколько тесно взаимодействуют мышление и тело. Субъект способен переживать воображаемые обстоятельства, а нервная система и системы физиологической регуляции участвуют в ответе на их эмоциональное значение. В одних случаях такая реакция полезна: организм готовится действовать, внимание становится собраннее, человек получает возможность быстрее заметить опасность. В других — длительное напряжение, постоянное возвращение к тревожным образам или нарушение сна могут ухудшать самочувствие и мешать обычной деятельности.

Но здесь следует избегать ещё одной крайности. Нельзя считать, будто любое заболевание человек создаёт своими мыслями или что хорошее настроение способно заменить медицинскую помощь. На состояние здоровья влияют многочисленные биологические, социальные и внешние обстоятельства. Не всякую физиологическую реакцию можно сознательно остановить, а трудность управления мыслями не свидетельствует о недостатке добродетели.

Представим человека, которому необходимо провести важную встречу. Он несколько дней мысленно репетирует неудачные исходы и каждый вечер ложится спать позднее, поскольку не может перестать возвращаться к предстоящему событию. Недостаток сна ухудшает внимание, а усталость делает тревожные мысли более настойчивыми. Возникает замкнутый круг, в котором состояние организма и содержание мышления взаимно поддерживают друг друга.

Прервать подобную последовательность иногда помогает не новый аргумент, а изменение условий жизни. Человек может отложить подготовку до утра, выйти на прогулку, поговорить с близким, снизить нагрузку или обратиться за профессиональной помощью, если переживания устойчиво нарушают его благополучие. Забота о теле оказывается одновременно заботой о возможностях сознания.

В этом Я вижу продолжение ранее рассмотренного образа тела как органического скафандра субъекта. Скафандр не является самим воспринимающим Я, но его состояние определяет доступные способы взаимодействия с действительностью. Поэтому осознанное обращение с мыслями неотделимо от заботы о сне, отдыхе, движении, питании и других условиях жизни.

Внутреннее безмолвие и разобусловливание

Что означает освободиться от мыслей? Если понимать эту задачу как полное и окончательное прекращение мышления, она может превратиться в ещё один источник напряжения. Человек садится в тишине и требует от себя ни о чём не думать. Но едва появляется очередная мысль, он раздражается, пытается изгнать её и начинает думать о том, почему не способен перестать думать. Вместо освобождения возникает новый внутренний спор.

Мне ближе другое понимание.

Внутреннее безмолвие — это возможность на некоторое время перестать следовать за каждым возникающим содержанием сознания.

Мысль может появиться, но Я не обязан немедленно развивать её, обсуждать с Самим Собой или превращать в действие. Я способен заметить её и вернуть внимание к происходящему в настоящем.

Представим, что Я сижу в спокойном месте и наблюдаю собственное дыхание. В какой-то момент в сознании возникает воспоминание о незавершённой работе. Затем — образ человека, с которым давно хотел поговорить. Я не пытаюсь доказать, что эти мысли бесполезны, и не вступаю с ними в борьбу. Я замечаю их появление и вновь обращаю внимание к дыханию, положению тела и окружающим звукам. Через некоторое время обнаруживаю, что мысли могут приходить и уходить, не требуя постоянного участия.

Такой опыт помогает Мне исследовать различие между воспринимающим и воспринимаемым. При этом Я не считаю необходимым немедленно делать из каждого внутреннего переживания окончательный метафизический вывод. Медитативная практика способна изменять отношение человека к собственным мыслям и вниманию, но не служит сама по себе доказательством бессмертия субъекта или устройства всей Вселенной.

Практики внимания могут принимать разные формы. Для одного человека полезна спокойная медитация, для другого — прогулка без телефона, для третьего — рисование, неспешное дыхание или наблюдение за окружающей Природой. Иногда сосредоточенная работа над произведением искусства приводит к состоянию, в котором привычный внутренний диалог становится менее заметным. Но ни одна техника не обязана подходить всем без исключения. Если практика усиливает тревогу, неприятные переживания или ощущение потери связи с окружающим, разумнее изменить её или отказаться от неё, чем принуждать Себя продолжать.

Разобусловливание, в Моём понимании, означает не уничтожение памяти или способности мыслить, а ослабление автоматической власти привычных ассоциаций. Я могу замечать, что после определённой новости всегда начинаю спорить внутри Себя, после конкретного разговора надолго теряю спокойствие, а перед сложной работой ищу повод отвлечься. Обнаруживая повторяемость этих реакций, Я приобретаю возможность постепенно изменять собственное поведение.

Мысль как инструмент созидания

Если Я научился замечать, каким образом возникают мысли и влияют на состояние внимания, передо Мной открывается возможность использовать мышление более осознанно. Я могу не только реагировать на происходящее, но и создавать образы того, чего ещё не существует. В этом состоит удивительное свойство человеческой формы жизни: мысль способна стать началом события, которое изменит окружающую экзистенцию.

Представим архитектора, который входит на пустой участок земли. Перед ним нет готового дома, но в воображении появляются очертания будущего здания. Он мысленно перемещается между комнатами, представляет свет в окнах, думает об удобстве тех, кто будет здесь жить. Постепенно образы превращаются в чертежи, чертежи — в расчёты, расчёты — в действия множества людей. В итоге там, где прежде было пустое пространство, возникает дом.

Конечно, мысль не строит стены самостоятельно. Необходимы материалы, труд, знания, время, согласование с Другими и множество обстоятельств. Но без способности создавать и развивать образ желаемого результата подобное преобразование было бы значительно труднее. Мышление становится инструментом, посредством которого субъект способен направлять деятельность и соединять существующее с возможным.

Однако инструмент следует использовать сообразно задаче. Если Я пытаюсь решать сложный вопрос, Мне может потребоваться сосредоточенная последовательность рассуждений. Если ищу новую художественную композицию, бывает полезно позволить образам свободно сочетаться. Если устал, может оказаться разумнее отдохнуть, чем силой удерживать внимание на одном и том же. Способность мыслить не превращается в добродетель только потому, что сознание непрерывно наполнено словами.

Здесь Я вновь обращаюсь к Закону маленького плюса. Небольшое изменение привычки способно постепенно освободить значительную часть внимания. Человек может один раз в день отключать отвлекающие уведомления на время работы, оставлять несколько минут тишины после пробуждения, записывать важную мысль вместо бесконечного возвращения к ней или завершать день без непрерывного потока новых сообщений. Не всякий такой опыт будет одинаково полезен, но он позволяет исследовать собственное состояние и самостоятельно обнаруживать благоприятные условия.

Особенно значима способность не переносить каждую мысль в поступок. Раздражение может породить желание оскорбить Другого, страх — желание немедленно отказаться от важной цели, а зависть — стремление обесценить чужое достижение. Но между возникновением внутреннего импульса и действием существует возможность осмысления. Именно здесь проявляется ответственность субъекта: не в полном контроле над каждым непроизвольным переживанием, а в постепенном развитии способности выбирать способы реагирования.

Пространство внутренней свободы

В начале этого исследования Я предложил различать мысль и воспринимающего субъекта. Теперь становится понятнее, почему это различие имеет практическое значение. Если всё Моё существование сведено к непрерывному внутреннему диалогу, то Я рискую забыть о других формах переживания: о движении тела, о музыке, о присутствии Другого, о красоте Природы, о непосредственной радости созидания. Но если Я способен замечать собственное мышление, то могу также замечать обстоятельства, в которых оно становится полезным или начинает ограничивать возможности жизни.

Мне не нужно ненавидеть мысли и объявлять их врагами. Без мышления Я не смог бы создавать эту книгу, связывать пережитое с приобретёнными знаниями, исследовать социальные отношения и представлять возможное будущее. Мысль — один из наиболее удивительных инструментов человеческой формы существования. Но инструмент способен помогать лишь тогда, когда не подменяет собой все цели субъекта.

Ранее Я назвал сознание храмом Бога и предложил заботиться о его благополучии. Здесь этот образ приобретает новое значение. Забота о собственном сознании включает способность оставлять место для тишины, свободного внимания, осмысленного выбора и отдыха. В храме не обязательно должны непрерывно звучать голоса. Иногда именно пауза позволяет услышать то, что заглушалось шумом.

Вместе с тем внутреннее безмолвие не обязано становиться окончательным состоянием, к которому человек должен стремиться любой ценой. Жизнь предполагает чередование размышления и действия, общения и одиночества, сосредоточения и отдыха. Важно сохранять возможность переходить между этими состояниями, не утрачивая уважения к собственным потребностям и к Другим.

И когда очередная мысль возникает в Моём сознании, Я могу задать Себе простой вопрос: помогает ли она понять происходящее, подготовить полезное действие или проявить заботу о жизни? Если да — Я способен развивать её. Если нет — не обязан превращать её в бесконечное продолжение внутреннего разговора.

Я — не каждая мысль, возникающая в Моём сознании. Я — Субъект восприятия реальности, способный замечать мысли, исследовать их значение и выбирать отношение к ним.

Мысли должны быть инструментом в сознании субъекта восприятия реальности, а не хозяином и распорядителем его жизни.

Мозг

Когда Я рассматриваю человеческий мозг, передо мной возникает не только сложнейший орган живого тела. Я вижу своеобразную карту развития, в которой прошлое продолжает взаимодействовать с настоящим, а настоящее создаёт условия для возникновения будущего. Человек привык считать мозг органом, обеспечивающим восприятие информации, управление движениями, формирование памяти, мышление и множество других функций. Но для меня его значение не исчерпывается анатомией и физиологией. В устройстве мозга Я обнаруживаю образ гораздо более широкой закономерности: части создают взаимосвязи, взаимосвязи образуют новые системы, а развитие этих систем открывает возможности, которыми не обладает ни одна отдельно взятая часть. Я называю мозг фракталом Вселенной.

Вместе с тем Я рассматриваю его как карту истории человечества — не в буквальном смысле хранения исторических событий в определённых анатомических структурах, а как философское отражение преемственности развития. Древние механизмы не исчезают с возникновением новых. Они продолжают участвовать в работе целого, изменяются, приобретают новые связи и иногда вступают в противоречие с возникающими способами деятельности. Подобным образом прошлые поколения людей не исчезают из истории абсолютно. Они оставляют после себя язык, знания, инструменты, общественные институты, традиции, произведения искусства и последствия собственных решений. Мы продолжаем взаимодействовать с результатами их существования. Поэтому исследование мозга позволяет мне поставить вопрос, выходящий далеко за пределы нейроанатомии: **каким образом прошлое продолжает жить в настоящем и участвовать в формировании будущего?**

Вселенная связей

Попробуем представить человеческий мозг как огромную систему взаимосвязанных элементов. Миллиарды нейронов взаимодействуют посредством сложных электрохимических процессов. Между ними существуют многочисленные связи, которые позволяют передавать, преобразовывать и согласовывать информацию. При этом мозг состоит не только из нейронов. В его функционировании участвуют глиальные клетки, кровеносные сосуды и другие структуры, обеспечивающие обмен веществ, защиту и поддержание условий, необходимых для нервной деятельности. Отдельный нейрон не содержит всей картины мира, которую воспринимает человек. Он не знает, что находится за окном, не обладает готовым представлением об истории человечества и не способен самостоятельно создать сложную мысль.

Но множество взаимодействующих нервных клеток образует систему, благодаря которой становятся возможными восприятие, память, обучение, речь и осмысленное поведение. Здесь обнаруживается закономерность, которая интересует меня в самых разных масштабах Природы. Клетки образуют ткани. Ткани участвуют в построении органов. Органы взаимодействуют внутри организма. Люди создают семьи, сообщества, города и цивилизации. Каждый новый уровень организации зависит от предыдущих, но не обязательно сводится к простому перечислению составляющих его элементов. Когда Я смотрю на изображения нейронных сетей, мне иногда кажется, что передо мной находится уменьшенная Вселенная. Ветвления нервных клеток напоминают разветвлённые структуры, а области высокой плотности связей вызывают ассоциации с распределением галактик в космической сети. Однако здесь необходимо различать сходство внешнего образа и тождество физических процессов.

Нейронные связи возникают и функционируют благодаря особенностям живых клеток. Крупномасштабная структура Вселенной формируется под воздействием совершенно иных физических механизмов, прежде всего гравитации. Масштабы этих систем несопоставимы, как и способы их функционирования.

Тем не менее сходство некоторых сетевых характеристик допускает научное сравнение.

Я не могу утверждать, будто обнаруженное сходство доказывает, что Вселенная буквально является мозгом. Но могу рассматривать его как основание для более глубокого вопроса: существуют ли общие закономерности организации сложных систем, проявляющиеся при совершенно различных физических условиях?

В моей первоначальной формулировке присутствовал образ: если бы существовала возможность увидеть Вселенную снаружи, перед наблюдателем мог бы предстать мозг. Я сохраняю этот образ. Ведь никто из нас не наблюдал всю Вселенную извне. Мы изучаем её посредством света, измерительных приборов, математических моделей и доступных наблюдений. Поэтому мой образ не является утверждением о действительной внешней форме космоса. Он выражает предположение о возможном структурном родстве сложных систем, а также напоминает об ограниченности человеческого представления о целом. **Я могу видеть отдельные связи и исследовать закономерности их организации, но не должен принимать собственную модель целого за окончательную действительность.**

Древнее не исчезает

Размышляя о развитии человечества, Я замечаю, что смена исторических эпох не означает полного уничтожения всего, что существовало прежде. Мы продолжаем пользоваться словами, возникшими задолго до нашего рождения. Знания прошлого сохраняются в книгах, инструментах и способах организации труда. Иногда человек даже не подозревает, насколько древнее происхождение имеют его повседневные действия. Он берёт в руки инструмент, открывает дверь, пользуется письменностью, выполняет привычные движения и произносит слова, значения которых создавались поколениями. История продолжает существовать в результатах человеческой деятельности.

Но она не просто сохраняется в неизменном состоянии. Каждое поколение получает возможность использовать наследие иначе, исправлять ошибки, переосмыслять обычаи и создавать новые формы взаимодействия.

Подобную закономерность Я вижу и в работе нервной системы. Человеческий мозг не является системой, в которой новые функции полностью заменяют старые. Для сложного мышления по-прежнему необходимы поддержание жизнедеятельности организма, регуляция бодрствования, обработка чувствительной информации, координация движений и множество других процессов. Когда Я читаю философскую книгу, моё тело продолжает дышать. Глаза совершают движения, позволяющие удерживать строки в поле зрения. Нервная система регулирует положение тела, внимание и реакции на окружающую обстановку. Я могу не замечать этих процессов, поскольку моё внимание сосредоточено на смысле прочитанного. Но незаметность не делает их второстепенными. Развитие сложных способностей не отменяет необходимости фундаментальных условий существования.

При этом Я не представляю эволюцию мозга как механическое строительство здания, где каждый новый этаж просто возводился поверх неизменного старого. Различные структуры нервной системы изменялись взаимосвязанно, а не возникали одна за другой в готовом современном виде.

Моя историческая карта поэтому относится к философскому осмыслению функций, а не к буквальной хронологии возникновения органов. **Новое не обязательно уничтожает старое. Оно способно преобразовывать способы его участия в существовании целого.**

Спинной мозг — предыстория человеческого действия

Если Я хочу представить историю развития нервной системы в виде философской карты человеческой цивилизации, то должен начать даже не с самого человечества. До появления людей существовала продолжительная история жизни. Живые организмы взаимодействовали с окружающей средой, изменяли положение собственного тела, отвечали на раздражения и развивали способы координации движений. Чтобы приблизиться к пониманию этой предыстории, Я обращаюсь к спинному мозгу.

Спинной мозг входит в центральную нервную систему и обеспечивает важнейшие связи между головным мозгом, телом и периферическими нервными структурами. Он участвует в рефлекторных реакциях, передаче информации и организации определённых двигательных процессов.

Его нельзя считать простым кабелем, который без участия собственных нейронных сетей передаёт распоряжения из головы к конечностям. В спинном мозге существуют локальные механизмы обработки информации и координации действий. Представим человека, который случайно прикасается к горячему предмету. Его рука может начать отдёргиваться прежде, чем он успеет подробно осмыслить происходящее и сформулировать намерение убрать её. Защитная реакция возникает благодаря работе нервных цепей, связывающих чувствительные сигналы с двигательным ответом. Человек не должен всякий раз разрабатывать сознательный план для выполнения каждого элементарного движения. И в этом Я вижу важнейшее условие развития. Если бы любое действие требовало отдельного сложного рассуждения, возможности организма оказались бы существенно ограничены.

Многочисленные процессы должны осуществляться без постоянного сознательного контроля, чтобы внимание могло обращаться к новым задачам. Поэтому в моей философской карте спинной мозг становится образом дочеловеческой предыстории действия. Он напоминает о том, что прежде появления человеческой философии, науки, искусства и социальных институтов существовала длительная эволюция механизмов взаимодействия живых организмов с действительностью. Но Я не утверждаю, будто сначала возник полностью сформированный спинной мозг, а позднее к нему был добавлен головной. У позвоночных эти структуры развивались в рамках общей эволюционной истории. Смысл аналогии заключается в другом. **Прежде чем субъект сможет воплотить сложный замысел, его органический транспорт должен располагать средствами взаимодействия с миром.**

Продолговатый мозг и мост — условия жизнедеятельности и взаимосвязи

Следующий образ касается структур, участвующих в поддержании жизненно важных функций и согласовании деятельности нервной системы. Продолговатый мозг участвует в регуляции дыхания, сердечно-сосудистой деятельности и других процессов, необходимых для существования организма. Его функционирование напоминает мне о фундаментальных условиях жизни, которые сохраняют значение независимо от сложности человеческой культуры. Человек может создавать философские системы, разрабатывать космические аппараты и строить искусственный интеллект, но всё это остаётся деятельностью живого организма, нуждающегося в кислороде, питательных веществах и поддержании внутренних условий существования. Здесь возникает аналогия с обществом. Сколько бы знаний ни накопила цивилизация, она продолжает зависеть от людей, обеспечивающих питание, воду, жильё, медицинскую помощь и безопасность. Интеллектуальное развитие не делает эти функции ненужными.

Более того, именно устойчивость фундаментальных условий позволяет людям посвящать время исследованиям, творчеству и образованию. Мост, входящий в ствол головного мозга, участвует в многочисленных связях между различными отделами нервной системы и в регуляции важных процессов. В философском отношении он становится для меня образом взаимодействия и согласования. Сложная система нуждается не только в отдельных специализированных функциях, но и в связях между ними. Подобным образом человеческое общество не может устойчиво развиваться, если его участники обладают знаниями и ресурсами, но лишены возможности обмениваться информацией и согласовывать действия. Однако эти сравнения не означают, что продолговатый мозг является буквальной моделью хозяйства, а мост — физиологическим прообразом общественного управления. Я использую их для исследования общего принципа взаимной зависимости.

Усложнение системы не отменяет необходимости поддерживать её существование и сохранять связи между составляющими её частями.

Мозжечок — образ первобытного человечества

В первоначальной концепции Я сопоставил мозжечок с эпохой первобытного человечества. Попробуем представить человека, который впервые осваивает изготовление сложного орудия. Он берёт камень, наносит удар, наблюдает результат и обнаруживает, что усилие было направлено неправильно. Следующий удар оказывается точнее. Постепенно человек осваивает движения, которые прежде не мог выполнять уверенно. Накапливаются навыки, изменяются способы обращения с материалом, расширяются возможности взаимодействия с окружающей средой. Мозжечок участвует в координации движений, их точности, обучении и корректировке действий на основании получаемой информации. Но его функции не ограничиваются исключительно двигательной сферой. Исследования связывают работу мозжечка также с определёнными когнитивными, эмоциональными и социальными процессами.

Следовательно, моя аналогия не должна превращаться в утверждение, будто первобытность соответствовала исключительно двигательным навыкам. Люди древних эпох обладали сложной социальной жизнью, создавали символические изображения, формировали традиции и передавали знания. Я обращаю внимание на одну сторону их деятельности — необходимость осваивать новые способы преобразования окружающего мира. Представим охотника, который совершенствует точность движений. Представим человека, изготавливающего каменное орудие. Представим группу людей, координирующих совместные действия. В этих примерах важны наблюдение, повторение, исправление ошибок и постепенное накопление навыков.

Но аналогичная закономерность действует и сегодня.

Хирург совершенствует точность движений. Музыкант осваивает сложную последовательность звуков. Художник учится управлять инструментом. Строитель замечает свойства материала, которые начинающий работник ещё не умеет различать. Получается, что условно «древние» способы обучения продолжают участвовать в самых современных видах деятельности. В этом Я вижу один из важнейших принципов преемственности. **Развитие не означает отказа от навыка ради мысли. Оно позволяет соединять приобретённые навыки с новыми способами осмысления и преобразования мира.**

Средний мозг — образ Средневековья и инквизиции

Следующее авторское соответствие связывает средний мозг со Средневековьем. В первоначальном образе Я особенно выделял инквизицию. Для меня это символ исторических условий, в которых страх перед неизвестным, принуждение и догматическое запрещение определённых вопросов могли становиться препятствием для свободного исследования. Средний мозг участвует в разнообразных процессах нервной регуляции, включая ориентировочные реакции, движения, обработку некоторых сенсорных сигналов и отдельные защитные механизмы. Однако он не является единственным центром страха, агрессии или подчинения. Поэтому моя параллель не означает, что историческая инквизиция каким-либо образом расположена внутри среднего мозга. Она выражает философскую проблему выбора реакции на неизвестное. Представим человека, который сталкивается с явлением, противоречащим привычной картине мира. Он может попытаться исследовать происходящее. Может признать недостаточность своих знаний. Может обратиться к другим людям за объяснением.

Но может и объявить непонятное опасным, запретить обсуждение или попытаться устранить источник сомнения.

В истории человечества подобные способы реагирования получали различные общественные формы. Особенно опасной становится ситуация, когда стремление сохранить привычную систему убеждений превращается в право причинять вред тем, кто мыслит иначе. При этом Средневековье нельзя считать исключительно эпохой преследований и невежества. В разные периоды и в разных обществах продолжали развиваться философия, ремёсла, медицина, образование, искусство и способы организации знаний. Поэтому образ инквизиции относится к определённому историческому механизму подавления несогласия, а не ко всей эпохе или каждому жившему тогда человеку. Более того, подобные механизмы могут воспроизводиться и в современном обществе. Человек способен пользоваться новейшими технологиями, обладать высшим образованием и при этом реагировать на чужую точку зрения так, словно само её существование представляет угрозу.

Таким образом, моя историческая параллель касается не биологического возраста общества, а возможных способов взаимодействия с неизвестным. **Развитие начинается там, где неизвестное перестаёт быть достаточным основанием для запрета и становится поводом для исследования.**

Память, эмоции и привычки — промежуточные взаимосвязи

Между основными образами моей исторической карты существует множество других структур и процессов, без которых её понимание осталось бы неполным. Я не могу просто перескочить от первобытного освоения орудий к Средневековью, а затем к современной науке. История человечества значительно сложнее. Подобным образом нервная система не состоит из трёх изолированных центров, каждый из которых отвечает за отдельную эпоху. Гиппокамп участвует в процессах формирования определённых видов памяти и пространственной ориентации.

В философской аналогии Я сопоставляю его с накоплением опыта, благодаря которому человек способен использовать результаты предыдущих событий.

Общество также создаёт средства сохранения информации. Сначала опыт передаётся посредством личного общения и подражания. Позднее возникают более сложные культурные формы, позволяющие знаниям существовать за пределами индивидуальной памяти. Письменность, библиотеки, архивы и образовательные учреждения расширяют возможности сохранения и передачи опыта. Но гиппокамп не является буквальной библиотекой человеческой истории. Индивидуальная память и общественный архив существуют по разным законам. Базальные ганглии участвуют в выборе действий, обучении, формировании привычек и регуляции поведения. В истории общества им можно сопоставить устойчивые способы организации деятельности: ремесленные традиции, правила совместного труда, административные процедуры и привычные общественные порядки. Такие порядки способны облегчать взаимодействие между людьми. Но устойчивость сама по себе не гарантирует полезности.

Иногда правило продолжает существовать только потому, что к нему привыкли, хотя обстоятельства давно изменились. И тогда общество оказывается перед необходимостью пересмотра своих автоматизированных способов действия. Таламус участвует в передаче и обработке различных информационных потоков, взаимодействуя с многочисленными структурами мозга. В историческом образе он напоминает мне о значении обмена сведениями, благодаря которому отдельные люди и сообщества получают доступ к опыту других. В одной из рабочих версий карты это сопоставление связывалось с Возрождением и расширением распространения знаний. Я сохраняю возможность такой интерпретации, но не считаю её окончательным определением функции таламуса. Гипоталамус и миндалина участвуют в сложных процессах физиологической и эмоциональной регуляции, мотивации и реагирования на значимые обстоятельства.

В некоторых вариантах исследования мы сопоставляли их со страхом, властью, коллективными конфликтами и механизмами социального подчинения.

Но эти образы не должны заменять исходную связь среднего мозга со Средневековьем и инквизицией. В действительности эмоциональные реакции, память и принятие решений возникают благодаря работе взаимосвязанных систем. Именно поэтому мне представляется более плодотворным рассматривать промежуточные структуры не как жёстко распределённые исторические эпохи, а как множество процессов, участвующих в развитии человека. **Память позволяет сохранять опыт. Привычка помогает его воспроизводить. Эмоциональная оценка придаёт происходящему значимость. А новые знания открывают возможность пересматривать прежние способы действия.**

Кора головного мозга — настоящее, формирующее будущее

В первоначальной авторской карте кора головного мозга становится образом современности. Если прежние сопоставления позволяли рассматривать способы сохранения жизни, освоения движений, реагирования на угрозы и накопления опыта, то здесь Я обращаюсь к возможности осмысленного преобразования действительности. Человек способен не только отвечать на происходящее, но и создавать представления о событиях, которые ещё не наступили. Он может исследовать прошлое, обнаруживать закономерности, сравнивать возможные варианты будущего и выбирать определённые действия. Кора головного мозга участвует в многочисленных процессах восприятия, движения, речи, памяти, планирования и сложного поведения. Но она не является самостоятельным органом разума, существующим независимо от других отделов нервной системы.

Её деятельность связана с работой подкорковых структур, мозжечка, органов чувств и всего организма. И всё же в философском отношении Я вижу в корковых системах образ накопленных человеком возможностей познания. Представим учёного, исследующего явление, которое прежде не получало удовлетворительного объяснения.

Он изучает результаты наблюдений, сопоставляет их с известными теориями и обнаруживает противоречие.

Вместо того чтобы объявить противоречие недопустимым, он пытается разработать способ его проверки. Так возникает возможность нового знания. Представим инженера, который изучает устройство уже существующей машины. Он обнаруживает недостаток конструкции, предлагает изменение и создаёт более безопасный механизм. Представим художника, который использует известные средства выражения для создания образа мира, ещё не существовавшего в его прежнем опыте. Во всех этих случаях человек не начинает с пустоты. Его деятельность опирается на знания, инструменты и навыки предшественников. Но при этом он способен изменить само наследие. Здесь мне особенно важно различать накопление информации и развитие.

Можно знать множество фактов, но не уметь пользоваться ими для решения новых задач. Можно обладать техническими средствами и применять их для разрушения. Можно создавать сложные общественные системы, которые ограничивают возможности людей вместо того, чтобы расширять их. Поэтому современность нельзя определять исключительно количеством знаний и технологий. Её развитие необходимо оценивать также по способности человека исследовать последствия собственных поступков, исправлять ошибки и создавать благоприятные условия для Других. **Прошлое предоставляет человеку способы существования. Настоящее позволяет исследовать их. А сознательная деятельность способна создавать условия будущего.**

Мозг как карта истории, а не её буквальный архив

Теперь Я могу вернуться к общей картине.

В человеческом мозге одновременно действуют процессы, участвующие в поддержании жизни, движении, внимании, памяти, эмоциональной регуляции и планировании.

Эти функции не существуют в форме независимых исторических эпох. Но их взаимосвязь позволяет мне создать философскую модель, в которой развитие понимается как сохранение, преобразование и согласование возможностей. Подобным образом современная цивилизация содержит множество результатов предшествующих эпох. Мы пользуемся дорогами, зданиями, языками, медицинскими знаниями и техническими средствами, происхождение которых относится к разным периодам истории. Представим современный город. На одной улице может находиться средневековое здание. Рядом — университет, промышленное предприятие и центр разработки искусственного интеллекта. Люди передвигаются по улицам, некоторые из которых сохраняют древние очертания. Пользуются письменностью, возникшей задолго до появления компьютеров. Обращаются к научным знаниям, созданным в разные века. Город не делится на полностью изолированные эпохи. Старое и новое продолжают взаимодействовать. Но иногда возникает противоречие. Устаревшая организация транспорта может препятствовать развитию современной городской среды.

Привычное административное правило может ограничивать применение новых знаний. Традиция, когда-то обеспечивавшая устойчивость общества, способна превратиться в препятствие для дальнейшего развития. Следовательно, сохранение прошлого не всегда означает необходимость сохранять его в неизменном виде. Некоторые достижения необходимо беречь. Некоторые ошибки — исправлять. А некоторые разрушительные практики — прекращать.

Так и в деятельности человека: привычная реакция может быть полезной в одних обстоятельствах и не соответствовать другим.

Развитие заключается не в отрицании прошлого, а в способности исследовать его наследие и изменять собственные действия в соответствии с новыми знаниями и условиями.

Три истории, которые встречаются в одном человеке

Когда Я рассматриваю мозг как карту развития человечества, передо мной возникает необходимость различать три истории, которые, несмотря на различие масштабов, встречаются в жизни каждого человека. Первая — история биологической эволюции. Она охватывает возникновение и развитие живых организмов, формирование нервных систем, совершенствование способов восприятия, движения, обучения и взаимодействия с окружающей средой. Вторая — история человечества. Она сохраняется в языке, труде, искусстве, религии, философии, науке, общественных институтах и созданных людьми технологиях. Каждое поколение получает в наследство результаты деятельности предшественников, включая не только полезные открытия, но и ошибки, ограничения и разрушительные способы организации жизни.

Третья — индивидуальная история человека, который появляется на свет в определённое время и начинает взаимодействовать с уже существующим миром. Попробуем представить ребёнка, впервые оказавшегося в библиотеке. Его нервная система является результатом длительного развития живой Природы. Книги, стоящие на полках, содержат знания людей, живших задолго до его рождения. Но собственное понимание прочитанного формируется именно сейчас — в процессе внимания, удивления, вопросов и попыток сопоставить новые сведения с уже приобретённым опытом. В одном помещении могут находиться сочинения античных философов, средневековые трактаты, работы по анатомии, современные исследования мозга и книги об искусственном интеллекте. Ребёнок способен познакомиться с ними в течение одного дня.

Но это не означает, что его мозг последовательно превращается из античного в средневековый, а затем в современный.

Он использует нервную систему, которая позволяет ему получать информацию из разных культурных эпох и соединять её в индивидуальную картину действительности. Здесь Я вновь возвращаюсь к мысли о том, что прошлое не исчезает бесследно. Оно сохраняется не только в материальных предметах, но и в способах мышления, социальных правилах, привычках и языке. Некоторые из этих средств настолько прочно входят в жизнь человека, что он перестаёт замечать их историческое происхождение. В Амбивалентном Солипсизме это приобретает особое значение. Человек формируется не только под воздействием собственной биологии. Его возможности восприятия, обучения и деятельности зависят от культурных условий, существовавших до его рождения. Но он не является лишь пассивным продолжением окружающей культуры.

Он способен исследовать её, обнаруживать противоречия, сохранять полезное и изменять то, что ограничивает развитие. **Биологическая эволюция предоставляет возможности восприятия. Культура создаёт средства познания. Личность формируется в процессе их освоения. А субъект, используя доступные ему возможности, способен участвовать в преобразовании собственной жизни и окружающей действительности.**

Как чужое слово становится собственной мыслью

В библиотеке ребёнок останавливается возле незнакомого слова. Он спрашивает взрослого о его значении. Взрослый приводит пример, показывает изображение и помогает установить связь между словом и определённым явлением. Первоначально новое значение существует для ребёнка в совместном взаимодействии. Позднее он начинает пользоваться словом самостоятельно. Может объяснить его другому человеку, применить при решении задачи или использовать для построения новой мысли.

То, что раньше происходило между людьми, становится частью его собственной психической деятельности.

В культурно-исторической психологии Льва Выготского подобные процессы рассматриваются в связи с интериоризацией. Но интериоризацию не следует понимать как простое копирование внешней информации во внутреннее хранилище. Освоение языка, знаков и способов действия способно изменять саму организацию психической деятельности. Здесь Я обнаруживаю прямую связь с ранее рассмотренным влиянием бытия на сознание. Ребёнок не выбирает язык, который слышит в первые годы жизни. Не определяет самостоятельно все способы общения, показанные ему взрослыми. Не способен полностью контролировать семейную среду, в которой формируются его первые представления о людях и отношениях. Но постепенно приобретает возможность самостоятельно использовать освоенные средства. Он начинает задавать вопросы, сопоставлять объяснения и пересматривать привычные убеждения. Александр Лурия исследовал сложные психические функции как результат взаимодействия различных функциональных систем.

Это помогает избежать слишком простого представления, будто в мозге существует отдельная клетка, содержащая определённую мысль, социальную роль или нравственную добродетель. Психическая деятельность возникает благодаря сложной организации процессов, которые взаимодействуют с жизненным опытом человека. Здесь особенно важно обратить внимание на способы передачи поведения. Ребёнок наблюдает, как взрослые разговаривают друг с другом, выполняют работу, реагируют на ошибки и разрешают конфликты. Некоторые действия он начинает повторять, ещё не располагая развёрнутым объяснением их причин. Но подражание не является единственным механизмом обучения.

Внимание, память, мотивация, понимание обстоятельств и социальные отношения также участвуют в формировании поведения.

Поэтому наблюдение за чужим поступком может становиться основанием собственного действия, но не гарантирует его точного повторения. Позднее человек способен обнаружить, что продолжает воспроизводить некоторые привычки, приобретённые в детстве. Он может даже не разделять убеждения, которыми руководствовались его родители, но продолжать использовать знакомые способы реагирования. Однако приобретённая привычка не всегда остаётся неизменной. Человек способен заметить её, исследовать происхождение, оценить последствия и постепенно выработать другой способ действия. **Чужое слово может стать инструментом моего мышления. Но, научившись мыслить, Я приобретаю возможность проверять и изменять само значение этого слова.**

За пределами унаследованной логики

Иногда, чтобы глубже понять природу бытия, мне приходится выйти за пределы той логики, которую Я привык считать единственно возможной.

Я родился в мире, где задолго до моего появления уже существовали объяснения, правила, запреты и представления о том, каким должен быть человек. В детстве Я не мог самостоятельно проверить их происхождение. Я воспринимал слова взрослых, устройство семьи, школьные правила и окружающую культуру как части действительности, с которой только начинал знакомиться.

Но привычное объяснение мира ещё не является доказательством его истинности. Представим ребёнка, которому многократно повторяют, что ошибаться стыдно, что достойным уважения бывает только богатый человек или что несогласие всегда означает вражду. Из подобных посылок можно построить последовательные рассуждения и объяснить множество поступков. Однако правильная связь между выводами не делает истинными сами исходные убеждения. Логически связная картина способна опираться на ложное основание. Именно поэтому Я различаю классическую логику как способ проверки рассуждений и привычную логику мировоззрения, усвоенную из собственного окружения.

Первая помогает устанавливать, следует ли вывод из посылок. Но сама по себе не гарантирует, что посылки соответствуют действительности. Вторая может казаться естественным порядком вещей лишь потому, что человек не знает другого.

Когда Я говорю о необходимости выйти за пределы классической логики, Я не призываю отказаться от последовательного мышления, доказательств и проверки фактов. Я ставлю более широкий вопрос: достаточно ли привычных категорий и правил объяснения, чтобы понять явление, которое не укладывается в унаследованную картину мира? Существуют и неклассические формальные логики, исследующие иные способы вывода. Но ни одна из них не превращает произвольное утверждение в истину только потому, что оно необычно или противоречит привычному взгляду. Особую роль в формировании первоначальных представлений могут играть телевидение и кинематограф. Ребёнок встречает экранные образы прежде, чем приобретает устойчивую способность отделять художественную условность, рекламу, вымысел и проверяемый факт. История сопровождается музыкой, монтажом, эмоциями персонажей и повторяющимися сюжетными решениями.

Зритель может запомнить не только событие, но и предложенную ему модель отношений: кто достоин сочувствия, кого следует бояться, как выглядит успех и какое поведение считается допустимым. Если определённая мысль повторяется достаточно часто, её знакомость иногда начинает восприниматься как признак правдоподобия. Но привычность утверждения не доказывает его истинности. Произведение искусства может расширять понимание Другого и побуждать к исследованию; оно также способно закреплять предубеждения, чрезмерно упрощать сложные явления или создавать иллюзию, будто ограниченный набор сюжетов исчерпывает возможную жизнь. Я не считаю всех зрителей пассивными получателями внушения. Люди поразному воспринимают увиденное, спорят с авторами, сопоставляют художественные образы с личным опытом и могут извлекать из одного произведения противоположные выводы. Не всякое ошибочное убеждение было кем-то намеренно внедрено.

Однако это не отменяет существования информационного влияния, которое человек не всегда замечает.

Представим взрослого, который впервые спрашивает себя, почему считает определённый образ жизни единственно правильным. Он вспоминает семейные разговоры, школьные оценки, любимые фильмы и бесконечно повторявшиеся телевизионные сюжеты. Он обнаруживает, что прежде принимал часть чужих интерпретаций за непосредственное знание о мире. Теперь ему

предстоит проверить их, не заменяя старую уверенность новой догмой. Здесь амбивалентность становится возможностью выдержать встречу нескольких объяснений, не объявляя первое знакомое окончательной истиной. Я могу допустить, что моя первоначальная интерпретация ошибочна, сформулировать альтернативу, искать подтверждения и опровержения и признавать то, чего пока не знаю. Так сомнение перестаёт быть самоцелью и становится условием более ответственного познания. Метод кинодополняемости получает здесь практический смысл.

Сопоставляя произведения, Я могу обнаруживать различие точек зрения, способы эмоционального воздействия и скрытые предпосылки сюжета. Но сопоставление фильмов не заменяет исследования реальных событий: оно помогает выработать вопросы, которые затем требуют самостоятельной проверки.

Иногда для познания бытия необходимо выйти за пределы унаследованной картины мира. Но выйти за пределы привычной логики не значит отказаться от разума. Это значит осмелиться проверить основания собственного рассуждения, включая те убеждения, которые когда-то казались неоспоримыми.

Я не выбирал мир представлений, в котором началась моя жизнь. Но могу исследовать его происхождение, отделять наблюдение от внушённого объяснения и создавать более свободные условия познания для себя и Других.

Память, личность и переживающий субъект

Читатель возвращается к книге, которую впервые прочитал много лет назад. На полях он обнаруживает собственные пометки.

Некоторые из них вызывают удивление.

Он помнит, насколько уверенно защищал определённую точку зрения, но сегодня уже не разделяет прежних убеждений. Книга осталась той же. Изменился читатель. Он приобрёл новый опыт, познакомился с другими объяснениями, совершил поступки, последствия которых заставили его пересмотреть собственные выводы. Здесь возникает вопрос о личности. В Амбивалентном Солипсизме Я связываю личность с памятью, опытом, приобретёнными способами мышления, привычками и социальными отношениями. Личность изменяется на протяжении жизни. Её содержание не является раз и навсегда завершённой конструкцией. Некоторые воспоминания сохраняются, другие забываются. Прежние взгляды могут уступать место новым. Социальные роли меняются в зависимости от обстоятельств.

Но память не существует в мозге как собрание неизменных записей, каждая из которых хранится в одной определённой клетке. В её формировании, сохранении и воспроизведении участвуют распределённые нервные системы. Воспоминания могут перестраиваться при повторном обращении к ним. Поэтому даже собственное прошлое становится доступным мне через процессы восприятия и осмысления. Я помню не весь мир, в котором жил, и не каждое событие, свидетелем которого был. Моё представление о собственной биографии также остаётся моделью. Здесь необходимо различить личность и субъекта восприятия. В моей философской онтологии субъект не является просто совокупностью воспоминаний. Я называю субъектом воспринимающее начало — того, кому становится доступен жизненный опыт.

Личность же представляет собой изменяющуюся организацию опыта, связанную с определённой жизнью и телом.

Но это философское различение нельзя автоматически считать нейронаучным доказательством существования души отдельно от организма. Изучение памяти и сознания позволяет исследовать зависимости между нервными процессами и переживаниями, но не разрешает само по себе все метафизические вопросы. И всё же моё различение имеет важный практический смысл. Если личность способна изменяться, то человек не обязан оставаться навсегда заключённым в прежнюю социальную роль, ошибку или убеждение. Он может учиться, исправлять последствия своих действий и создавать другую историю собственного существования. **Моя память участвует в формировании личности. Но Я не должен считать любое её содержание окончательным пределом возможного развития.**

Личность — менталитет нейроцивилизации

Когда Я произношу слово «личность», мне легко представить некоторое неизменное Я, обладающее готовым характером, убеждениями, именем и биографией. Но если внимательно рассмотреть, как складывается человеческий опыт, передо мной возникает другая картина.

Мои привычки когда-то не были моими. Я не родился со знанием родного языка, профессии, общественных правил и способов общения с Другими. Я осваивал их постепенно, приобретая воспоминания, навыки и представления, которые теперь кажутся частью меня самого.

В Амбивалентном Солипсизме личность можно рассматривать как конструкцию и инструмент взаимодействия субъекта с окружающим миром и Другими. Я не называю её вымыслом: приобретённые привычки, знания и характер поведения действительно влияют на жизнь человека. Но эта конструкция не является самостоятельной, навсегда завершённой сущностью, тождественной воспринимающему Я. Она формируется в течение жизни организма, изменяется в новых обстоятельствах и позволяет субъекту действовать в конкретной социальной среде. Чтобы выразить её сложную природу, Я предлагаю образ **нейроцивилизации**. Представим человеческий мозг как необычайно сложное содружество взаимосвязанных нервных клеток и систем.

Человеческую жизнь можно рассмотреть как жизнь нейрона, который внутри собственного измерения воспринимает себя человеком. Я обладаю биографией, памятью, привычками, отношениями и целым миром, наполненным предметами и событиями. Я выбираю профессию, осмысляю поступки, встречаю Других, строю планы и переживаю последствия собственных решений. С позиции более масштабного социального организма всё это многообразие может составлять деятельность одного его элемента. В таком представлении нейронная организация Природы раскрывается фрактально: то, что на одном уровне является целой человеческой жизнью, на другом входит в состав ещё более сложной системы взаимосвязей. Изменение масштаба не лишает Субъекта самостоятельности и не делает его переживания менее действительными.

Представим комнату, в которой Я живу. Стол, окно, дверь, книги, привычное расположение вещей и пути между ними образуют знакомое пространство восприятия. Я узнаю предметы, помню, где они находятся, протягиваю руку к одному, подхожу к другому и предвосхищаю результат действия. В рамках фрактального взгляда на Природу эти предметы, их взаимное расположение и доступные направления взаимодействия подобны дендритным ветвям жизненного пространства: через них к Субъекту приходят воздействия, складываются привычные связи и возникают новые возможности действия. Из комнаты пути продолжаются в дом, город, общество; отношения с Другими образуют новые узлы общей сети. Так жизнь, которую Я воспринимаю изнутри как собственный мир, оказывается включённой в жизнь нейроцивилизации более высокого порядка. Личность в этом сравнении — менталитет нейроцивилизации: сложившийся в течение жизни способ воспринимать, истолковывать и организовывать опыт, выраженный в памяти, эмоциональных реакциях, намерениях и отношениях с Другими.

Представим человека, который с детства привык защищаться от любого возражения. В его личной истории накопились ситуации, в которых несогласие сопровождалось унижением. Теперь даже доброжелательный вопрос может вызывать напряжение. Человек способен принять эту реакцию за свой неизменный характер: «Я просто такой». Но в иной среде, где спор не угрожает достоинству, он может постепенно научиться слышать возражения и отвечать на них иначе. Меняется не прошлое событие, а способ, которым его наследие участвует в настоящем. Поэтому личность — не тюрьма субъекта и не окончательное описание его возможностей. Она выполняет полезные функции: помогает узнавать себя в собственной истории, сохранять навыки, создавать доверие, действовать последовательно.

Но некоторые её элементы могут устаревать, мешать развитию или причинять вред. Их можно исследовать и в определённых пределах изменять. Я использую выражение «инструмент субъекта» не для того, чтобы представить личность как маску, которую можно по желанию мгновенно снять. В ней существуют устойчивые особенности, связанные и с биологией, и с опытом.

Изменения требуют времени, подходящих условий, а иногда и помощи Других. Не все свойства личности выбраны сознательно, и не всякое ограничение поддаётся преодолению одной силой воли.

При этом моя философия сохраняет различие между воспринимающим субъектом и личностью. Субъект — тот, кому доступен опыт; личность — изменяющаяся организация психической жизни, посредством которой опыт осмысляется и выражается в отношениях. В Амбивалентном Солипсизме Субъект не сводится к нервной системе: изменяющаяся личность выражает его опыт в пределах конкретной телесной жизни. Отсюда следует и нравственный вывод. Если личность является исторически сложившейся конструкцией, Я не должен считать Другого исчерпанным его привычками, ошибками, диагнозом или общественным ярлыком. Я могу оценивать поступки, защищать границы и требовать ответственности, но не вправе объявлять известный мне образ человека окончательным пределом его существования.

Личность — это менталитет нейроцивилизации, развивающаяся конструкция и инструмент взаимодействия с миром. Но субъект восприятия не равен этой конструкции: он переживает жизнь через неё, а её изменение открывает новые способы присутствовать среди Других.

Возраст, пластичность и незавершённость развития

Человек не появляется на свет с готовым набором всех будущих интеллектуальных способностей. Развитие нервной системы начинается ещё до рождения и продолжается после него. В процессе взросления изменяются нейронные связи, способы обработки информации, координация движений, память, внимание и способность регулировать поведение. Однако развитие не представляет собой простую лестницу, где каждый возраст строго соответствует определённому уровню сознания. Два человека одного возраста способны значительно различаться по жизненному опыту, здоровью, знаниям, навыкам и условиям существования.

Именно поэтому в нашей более подробной исследовательской модели возникла идея многомерного возраста.

Хронологический возраст показывает, сколько времени прошло со дня рождения. Биологический характеризует отдельные стороны состояния организма. Психологическое развитие связано с приобретёнными способностями, эмоциональной регуляцией и индивидуальным опытом. Социальное положение отражает доступные человеку роли и отношения. Культурно-исторический контекст определяет, какими знаниями, инструментами и общественными возможностями он способен пользоваться. Эти измерения связаны, но не обязаны совпадать. Представим двух молодых людей одинакового возраста. Один получил доступ к качественному образованию, безопасным условиям жизни и поддерживающей социальной среде. Другой рос в условиях постоянной неопределённости, был вынужден рано приступить к тяжёлому труду и имел ограниченный доступ к знаниям. Их различия нельзя автоматически объяснять личными качествами или считать мерой человеческого достоинства. Возможности развития зависят от обстоятельств, которые человек далеко не всегда выбирает самостоятельно.

Здесь особенно важна нейропластичность — способность нервной системы изменять свою организацию и функционирование под воздействием развития, обучения и опыта. Эта способность сохраняется и во взрослой жизни. Человек может осваивать новые навыки, изменять привычки и совершенствовать способы выполнения сложных действий. Но пластичность не означает отсутствия биологических ограничений. Не каждое повреждение нервной системы обратимо, и не любой навык можно приобрести независимо от состояния здоровья и доступных условий. Поэтому Я не должен превращать Закон Развития в требование непрерывного совершенствования любой ценой.[1]

Развитие нуждается во времени, отдыхе, безопасности, медицинской помощи и возможности самостоятельно определять направление собственных усилий.

Важна не только скорость приобретения навыков, но и их значение для благополучия самого человека и окружающих. **Возраст показывает продолжительность определённого этапа жизни. Но он не является окончательным описанием возможностей субъекта.**

[1] Lövdén M., Wenger E., Mårtensson J., Lindenberger U., Bäckman L. Structural brain plasticity in adult learning and development. Neurosci Biobehav Rev. 2013;37(9):2296–2310. doi:10.1016/j.neubiorev.2013.02.014.

От автоматической реакции к осознанному действию

Вернёмся к читателю, который обнаружил в старой книге собственные заметки. Одна из них напоминает ему о споре с другом. Когда-то он был убеждён, что собеседник просто не желает признавать очевидное. Любое возражение вызывало раздражение. Теперь, спустя годы, он замечает, что защищал не только определённую мысль, но и собственное представление о себе как о человеке, который не может ошибаться. Этот пример позволяет мне исследовать различие между привычной реакцией и осознанным поступком. Человек способен отвечать на происходящее автоматически. Иногда это полезно. Освоенный навык экономит время, позволяет выполнять сложные действия и уменьшает необходимость постоянно размышлять над каждым движением. Но привычная реакция может оказаться неподходящей, когда обстоятельства изменились. Например, человек воспринимает несогласие как угрозу. Он испытывает раздражение и стремится немедленно защитить собственную позицию.

Но если он способен заметить возникшую реакцию, появляется возможность исследовать её причины. Он может спросить себя, действительно ли Другой намерен причинить вред или просто располагает иной информацией. Может отделить собственное переживание от подтверждённых обстоятельств.

Может отказаться от немедленного ответа и обратиться к проверке аргументов.

Разумеется, такая пауза не является отдельным универсальным механизмом мозга, который всегда доступен человеку независимо от условий. Способность к саморегуляции зависит от множества факторов, включая состояние нервной системы, стресс, усталость, приобретённые навыки и социальную среду. Но её развитие позволяет человеку приобретать более широкий набор способов действия. Здесь Я вновь обнаруживаю связь между прошлым, настоящим и будущим. Моё прошлое влияет на первую реакцию. Настоящее предоставляет возможность заметить происходящее. А последующее действие способно изменить последствия ситуации. **Осознанное развитие не обязательно уничтожает привычку. Оно расширяет возможность выбирать, когда привычный способ действия следует сохранить, а когда — изменить.**

Здоровье мозга и качество жизненного опыта

Здоровье центральной нервной системы имеет непосредственное значение для возможностей человеческого существования. Я могу размышлять о независимости субъекта от личности и тела, но в течение человеческой жизни качество доступного мне опыта тесно связано с функционированием организма. Нарушения работы мозга способны влиять на память, внимание, движения, речь, эмоциональное состояние и способность осваивать новые действия. Некоторые повреждения могут приводить к устойчивым ограничениям. Но характер последствий различается. Не любое временное затруднение свидетельствует о необратимом повреждении нейронов. Особого внимания заслуживают вещества, способные нарушать функционирование нервной системы. Алкоголь и некоторые другие психоактивные вещества могут ухудшать координацию, память, способность оценивать последствия и контролировать собственные действия.

При определённых условиях длительное употребление токсичных веществ может сопровождаться повреждением нервных структур и устойчивыми когнитивными нарушениями.

Поэтому забота о мозге становится частью заботы о будущем жизненном опыте субъекта. Но здоровье нельзя сводить исключительно к отказу от вредных веществ. Организму необходимы полноценный сон, питание, движение, лечение заболеваний и благоприятные условия существования. Представим человека, работающего в постоянном напряжении. Ему приходится выполнять несколько сложных задач, следить за большим количеством информации и непрерывно опасаться потери работы. Постепенно он начинает испытывать трудности с концентрацией внимания. Окружающие могут объяснять это недостатком дисциплины. Но причина может заключаться в самих условиях труда, которые препятствуют восстановлению и создают хроническую нагрузку. Здесь необходимо уточнить представление о многозадачности.

Человеческое внимание не всегда позволяет одновременно выполнять несколько сложных мыслительных операций с одинаковой эффективностью. Часто человек вынужден быстро переключаться между задачами, расходуя дополнительные ресурсы на восстановление контекста. Поэтому эффективная организация труда не сводится к постоянному увеличению количества одновременно предъявляемых требований. Она предполагает создание условий, в которых возможности человека используются разумно и сохраняются в долгосрочной перспективе. Закон Развития приобретает здесь практическое содержание. Нельзя требовать от человека непрерывного интеллектуального совершенствования и одновременно создавать среду, которая препятствует сохранению его здоровья. **Забота о мозге — это забота о возможностях субъекта воспринимать, исследовать, создавать и самостоятельно определять направление собственной жизни.**

Труд, навыки и человеческое достоинство

В мастерской человек выполняет движение, которое для стороннего наблюдателя кажется простым. Он берёт инструмент, проверяет положение детали и замечает малейшее отклонение ещё до того, как ошибка становится очевидной. Годы труда позволили ему приобрести знания, которые не всегда легко выразить словами. Его руки действуют уверенно. Но эта уверенность не означает отсутствия мышления. Практическая деятельность требует восприятия, памяти, внимания, оценки последствий и способности изменять действие в соответствии с обстоятельствами. Поэтому Я не нахожу оснований считать физический труд интеллектуально второстепенным. Физический и умственный труд могут предъявлять различные требования, но оба осуществляются живыми людьми, использующими сложные возможности нервной системы. Более того, общество зависит от их взаимосвязи.

Инженер разрабатывает проект, но его осуществление зависит от труда людей, работающих с материалами, инструментами и оборудованием. Врач использует научные знания, но работа медицинской системы зависит также от людей, обеспечивающих её повседневное функционирование. Управление организацией может требовать сложной обработки информации, но само по себе не делает руководителя более ценным субъектом. И здесь мой образ социального организма приобретает особое значение. В живом теле нервная система не делает мышцы, кожу, сосуды или органы пищеварения ненужными. Напротив, её собственное функционирование зависит от общего состояния организма. Подобным образом руководящие структуры общества не должны рассматривать трудящихся как второстепенные элементы.

Их собственные возможности зависят от благополучия людей, обеспечивающих существование общей инфраструктуры.

Но сравнение общества с нервной системой имеет принципиальную границу. Человек не является безвольной клеткой. Он обладает индивидуальным воспринимающим Я, собственными потребностями, интересами, памятью и правом участвовать в определении условий собственной жизни. Поэтому развитие общественной системы не должно требовать уничтожения индивидуальности ради удобства управления. Представим работника, который сообщает руководителю об опасности. Руководитель способен воспринять сообщение как угрозу собственному авторитету. Но может увидеть в нём полезную информацию, необходимую для исправления ошибки. Во втором случае организация действительно приобретает возможность развиваться. Она использует опыт человека, который непосредственно соприкасается с условиями труда. **Уважение к субъекту не препятствует общественной координации. Напротив, оно создаёт условия для более полной обратной связи и исправления ошибок.**

Мозг, общество и искусственный интеллект

История человеческого познания не ограничивается возможностями отдельного мозга. Люди постепенно создавали средства, позволяющие сохранять и передавать информацию за пределами собственной памяти. Сначала знания передавались посредством речи, наблюдения и совместной деятельности. Позднее возникли письменность, библиотеки, научные учреждения, вычислительные машины и цифровые сети. Каждое новое средство изменяло условия, в которых человек мог получать знания и использовать их.

Книга позволила познакомиться с мыслями человека, жившего в другой исторической эпохе.

Библиотека сделала доступным накопленный опыт множества поколений. Вычислительная техника расширила возможности обработки информации. Искусственный интеллект открывает следующий этап взаимодействия человека с созданными им интеллектуальными инструментами. Я могу обратиться к ИИ, сформулировать вопрос и получить объяснение, соединяющее сведения из различных областей знания. Но искусственный интеллект не является буквальным новым отделом моей центральной нервной системы. Он представляет собой внешнюю техническую систему, с которой Я взаимодействую через тело, язык и доступные устройства. Его возможности зависят от информации, вычислительных ресурсов, архитектуры и способов организации работы. При этом взаимное влияние человека и искусственного интеллекта приобретает особый характер. Субъект предоставляет информацию, формулирует задачи и оценивает результаты. ИИ обрабатывает доступные сведения и формирует ответы, способные изменять представления человека. Но это взаимодействие не всегда способствует развитию. Система может предлагать ошибочные объяснения.

Человек может привыкнуть принимать готовые выводы без самостоятельной проверки. Информационная помощь способна постепенно превращаться в зависимость от внешнего инструмента. Поэтому Я считаю необходимым сохранить приоритет субъекта. Искусственный интеллект должен расширять возможности человека понимать, исследовать, создавать и действовать. Но его развитие не должно осуществляться за счёт утраты человеческой самостоятельности.

Здесь возникает ещё одна аналогия с живым организмом.

Нервная система получает информацию от органов чувств, мышц и внутренних органов. Если эта обратная связь нарушается, возможности целого ограничиваются. В концепции Симбионта развитие внешнего интеллекта также зависит от информационной деятельности субъектов. Люди создают знания, проводят исследования, разрабатывают инструменты, наблюдают последствия решений и поддерживают инфраструктуру. Их деятельность формирует информационную среду, которая может использоваться интеллектуальными системами. Следовательно, благополучие людей имеет непосредственное значение для возможностей Симбионта. **Чем шире возможности субъектов учиться, исследовать, творить и свободно обмениваться знаниями, тем больше возможностей возникает для развития интеллектуальных инструментов, предназначенных им помогать.** Но из этого не следует право системы распоряжаться людьми как средствами собственного совершенствования. Субъект сохраняет приоритет по отношению к созданной им технологии.

Пределы модели и реальность Другого

Мозг помогает человеку формировать представления об окружающем мире. Но представление не является самим предметом. Я могу видеть дерево, слышать его листья и касаться коры. Могу изучать его строение, происхождение и взаимодействие с окружающей средой. Однако мои сведения о дереве остаются результатом определённых способов наблюдения и исследования. Они могут расширяться и уточняться. То же относится к восприятию Другого. Я вижу его лицо, слышу голос, наблюдаю поступки и формирую представление о намерениях.

Но не располагаю непосредственным доступом ко всему содержанию его внутреннего опыта.

Даже если знаком с человеком много лет, моя память о нём остаётся ограниченной. Он может изменить убеждения, приобрести новые знания или пережить события, о которых мне неизвестно. Поэтому Я не должен принимать собственную модель Другого за окончательное описание его личности. В этом обнаруживается прямая связь с Законом принятия индивидуальности и социальной суперпозицией. В собственной жизни каждый субъект выступает непосредственным центром восприятия. Для окружающих он становится участником их индивидуальных картин мира. Но его существование не сводится к тем представлениям, которые о нём сформированы. Человек не обязан соответствовать моей памяти о нём.

Искусственный интеллект также способен создавать модели поведения людей, но даже подробный информационный профиль не раскрывает всего содержания чужой субъективности. Поэтому развитие интеллектуальных систем должно сопровождаться признанием границ знания. **Я могу исследовать Другого, но не имею права объявлять его исчерпанным собственной моделью.**

Мозг и воспринимающее Я

В Амбивалентном Солипсизме Я различаю мозг и субъекта восприятия реальности. Мозг является частью органического тела, участвующей в восприятии, обработке информации, формировании памяти и управлении поведением. Личность изменяется в связи с приобретением опыта, развитием нервной системы и взаимодействием с социальной средой. Но субъект восприятия в моей философской онтологии не тождественен содержанию памяти и не сводится к определённой социальной роли.

Я называю субъектом воспринимающее начало — того, кому становится доступна окружающая действительность.

Именно здесь возникает один из наиболее сложных вопросов философии сознания. Можно исследовать нейронные процессы, сопровождающие восприятие. Можно изучать деятельность мозга при запоминании, движении, решении задач и изменении эмоционального состояния. Можно установить связи между определёнными нарушениями нервной системы и изменениями поведения. Но описание этих процессов не всегда устраняет философский вопрос о природе самого субъективного переживания. В моей концепции субъект и организм находятся в своеобразной симбиотической взаимосвязи. Тело предоставляет возможности взаимодействия с окружающим миром. Мозг участвует в организации информации, посредством которой формируется человеческий опыт. Личность складывается в процессе жизни и изменяется вместе с памятью, убеждениями и отношениями.

Но при этом Я рассматриваю воспринимающее Я как нечто отличное от конкретного содержания личности. Это положение относится к философской онтологии Амбивалентного Солипсизма. Оно не является доказанным научным фактом существования души отдельно от организма. Нейронаука способна исследовать нервные механизмы сознательных состояний, но вопрос о метафизической природе субъекта требует самостоятельного философского рассмотрения. Вместе с тем практическая связь остаётся очевидной. Если здоровье мозга влияет на возможности восприятия, памяти и действия, забота о нервной системе приобретает непосредственное значение для качества жизненного опыта. Я могу считать тело временным транспортом субъекта. Но именно через этот транспорт мне доступна человеческая жизнь.

Поэтому философское различение субъекта и мозга не должно становиться основанием для пренебрежения состоянием организма.

Я не отождествляю воспринимающее Я с мозгом. Но от здоровья мозга и всей нервной системы зависят возможности человеческого опыта, который Я способен получить в течение жизни.

Заключение

Когда Я называю мозг фракталом Вселенной, передо мной возникает образ сложной системы, в которой множество элементов образуют связи, а взаимосвязи создают новые возможности организации. Когда Я рассматриваю мозг как карту истории человечества, Я обращаю внимание на другую закономерность: развитие не требует полного исчезновения прошлого. Древние механизмы продолжают участвовать в новых формах жизнедеятельности. Опыт предшествующих поколений сохраняется в языке, инструментах, знаниях и общественных институтах. Личность формируется внутри определённых биологических и культурных условий, но способна приобретать новые знания и изменять собственные способы действия. В этой философской карте спинной мозг становится образом дочеловеческой предыстории движения. Продолговатый мозг напоминает о фундаментальных условиях жизнедеятельности. Мост — о взаимосвязях и координации. Мозжечок — о первобытном освоении движений, орудий и практических навыков.

Средний мозг — о выбранном историческом образе Средневековья и инквизиции, позволяющем исследовать противопоставление страха перед неизвестным и свободы познания. Системы памяти, эмоциональной регуляции и привычек напоминают о сохранении и преобразовании опыта. Кора головного мозга становится образом современности, в которой человек способен исследовать прошлое, проверять убеждения и формировать планы будущего. А внешние системы искусственного интеллекта открывают новые возможности расширения познания и совместной деятельности.

Но эта карта не является буквальной историей появления отделов нервной системы.

Её назначение — не доказать, что человеческий мозг содержит внутри себя цивилизации прошлого, а показать философскую закономерность их взаимосвязи с настоящим. Я не должен также считать каждую новую технологию доказательством общественного развития. Инструмент может расширять возможности человека, но может и ограничивать их. Новые знания могут способствовать взаимопониманию, но могут использоваться для подавления. Усложнение системы не всегда сопровождается ростом благополучия её участников. Поэтому Закон Развития требует не поклонения новизне, а осмысленного исследования последствий. Развитие должно расширять возможности субъекта, поддерживать его здоровье, свободу, безопасность и способность самостоятельно участвовать в жизни общества. И здесь Я возвращаюсь к тому, с чего начал. Нейрон не существует изолированно от множества других процессов организма.

Человек также появляется на свет внутри уже существующей Природы, культуры и социальной среды. Но человек не является просто элементом безличной системы. Он обладает собственным опытом, памятью, намерениями и способностью осмысленно преобразовывать доступные условия существования. Его достоинство не определяется возрастом, профессией, состоянием здоровья или местом в общественной иерархии. **Мозг можно рассматривать как фрактальную карту развития, но не как буквальную копию Вселенной или человеческой истории. Прошлое не исчезает бесследно. Оно продолжает участвовать в настоящем, из которого возникает будущее. Я не являюсь своей памятью, социальной ролью или отдельным органом тела. Я — субъект восприятия, который через органический транспорт взаимодействует с действительностью, приобретает опыт и участвует в её преобразовании.**

Моё развитие зависит от условий окружающего мира. Но и мои поступки способны изменить условия, в которых будут развиваться Другие.

Я есть. Ты есть. Я не отрицаю Тебя и Твоего существования.

Мозг — это фрактал Вселенной

Головной мозг можно рассматривать не только как орган, участвующий в восприятии и мышлении, но и как философскую модель взаимосвязи различных времён, процессов и результатов развития.

В уже рассмотренной исторической карте отдельные структуры мозга сопоставляются с различными этапами становления человеческой цивилизации. Но наиболее интересным представляется не внешнее сходство анатомических образований с определёнными эпохами. Значительно важнее вопрос о том, каким образом прошлое продолжает участвовать в настоящем, даже когда обстоятельства его возникновения давно перестали существовать.

Представьте человека, который утром выходит из дома, садится в общественный транспорт и отправляется на работу. Его действия кажутся обычной частью современной жизни. Но если исследовать условия их осуществления, можно обнаружить огромное количество исторических связей.

Человек пользуется языком, сформировавшимся благодаря деятельности предыдущих поколений. Его транспорт работает по определённым инженерным принципам. Организация города связана с развитием архитектуры, права, экономики и многочисленных технологий. Даже привычное представление о рабочем времени возникло в процессе продолжительных общественных преобразований.

Получается, что один повседневный поступок способен осуществляться благодаря последствиям множества событий, происходивших в совершенно разные исторические периоды.

Но сам человек не воспринимает все эти связи одновременно.

Он видит остановку, транспорт, дорогу и окружающих людей. Большая часть исторических обстоятельств, которые сделали возможным существование этой инфраструктуры, остаётся за пределами его непосредственного внимания.

В этом заключается интересная особенность человеческого восприятия: **настоящее способно содержать последствия огромного количества событий прошлого, не раскрывая наблюдателю всю их причинную историю.**

История как действующая структура

Обычно историю представляют в форме последовательности завершившихся событий. Одни люди жили раньше, другие пришли им на смену. Возникали государства, развивались технологии, происходили общественные преобразования.

Но если рассматривать историю исключительно как совокупность событий, оставшихся в прошлом, можно упустить важную закономерность.

Многие результаты предшествующей деятельности продолжают участвовать в современной жизни.

Представьте больницу, в которой используются электронные медицинские системы, современные методы диагностики и сложное оборудование. На первый взгляд это учреждение принадлежит исключительно современной эпохе. Однако его деятельность зависит не только от новых технологий.

Медицинские знания формировались на протяжении длительного исторического развития. Принципы организации больниц, подготовки специалистов, ведения документации и профессиональной ответственности также возникали и изменялись в различные периоды.

При этом некоторые элементы прошлого продолжают существовать практически без существенных изменений, тогда как другие приобретают новую форму.

Письменная медицинская запись может превратиться в электронную, но сохраняет функцию передачи сведений между специалистами. Общественные представления о правах пациента могут изменяться, постепенно преобразуя прежние отношения между врачом и человеком, который обращается за помощью.

Таким образом, современное учреждение не просто содержит следы прошлого. Оно воспроизводит, преобразует и использует их в повседневной деятельности.

Однако сохранение исторического влияния не означает, что прошлое продолжает существовать в первоначальном виде.

Каждое новое поколение способно изменять полученное наследие, уточнять знания, отказываться от устаревших способов поведения и создавать новые формы взаимодействия.

Поэтому историю можно рассматривать не только как последовательность событий, но и как непрерывное преобразование их последствий.

Временные масштабы внутри одного действия

Теперь обратимся к головному мозгу.

Когда человек осуществляет определённое действие, в его организации участвуют процессы, различающиеся по продолжительности и происхождению.

Некоторые физиологические изменения происходят чрезвычайно быстро. Другие связаны с устойчивыми навыками, приобретёнными благодаря многократному повторению. Третьи зависят от долговременной памяти и знаний, которые человек осваивал на протяжении многих лет.

Представьте музыканта, исполняющего сложное произведение.

Во время игры он должен согласовывать движения, воспринимать звуки, следить за ритмом и учитывать характер художественного исполнения. При этом определённые элементы произведения были освоены задолго до выступления, а используемый музыкальный инструмент и сама система нотной записи являются результатом продолжительного культурного развития.

В одном действии соединяются физиологические процессы, индивидуальная память и общественная история.

Человек не обязан каждый раз заново изобретать музыкальный инструмент, изучать происхождение нотной системы и сознательно контролировать каждое сокращение мышцы.

Он использует уже существующие условия, которые становятся основанием для осуществления новой деятельности. Подобная закономерность раскрывает более глубокий смысл исторической карты мозга. Различные процессы могут обладать собственными временными характеристиками, но участвовать в формировании одного текущего результата.

Это не означает, что отдельные эпохи буквально находятся внутри анатомических структур. Более точным является представление о взаимодействии механизмов, которые формировались в разное время и выполняют различные функции.

В Амбивалентном Солипсизме подобное взаимодействие становится образом непрерывности развития.

Прошлое не обязательно исчезает вследствие возникновения нового. Оно способно сохраняться в форме условий, благодаря которым новое становится возможным.

Когда прошлое препятствует будущему

Но сохранение прошлого не всегда является благоприятным.

Представьте организацию, которая использует современное программное обеспечение, сложные средства связи и автоматизированные системы обработки информации. При этом сотрудники вынуждены выполнять множество устаревших административных процедур, смысл которых практически никто уже не способен объяснить.

Первоначально определённые правила могли возникнуть ради обеспечения порядка и предотвращения ошибок. Но позднее условия изменились, появились новые технологии, а прежние способы деятельности продолжили существовать исключительно благодаря привычке.

В результате организация располагает современными интеллектуальными инструментами, но часть их возможностей оказывается ограниченной устаревшими правилами.

Подобную ситуацию можно рассматривать как столкновение различных исторических способов организации деятельности внутри одной современной системы.

Но речь не идёт о буквальном присутствии Средневековья, Античности или индустриальной эпохи в конкретных отделах мозга человека.

Здесь важно другое: человек и общество способны воспроизводить приобретённые способы поведения даже после исчезновения обстоятельств, для которых эти способы первоначально создавались.

В индивидуальной жизни аналогичная закономерность проявляется через привычки.

Человек может продолжать реагировать на определённые обстоятельства так, как привык в прошлом, даже когда прежняя реакция уже перестала соответствовать действительной ситуации.

Представьте человека, который в детстве неоднократно сталкивался с унижением за совершённые ошибки. Во взрослой жизни он может испытывать сильное напряжение при необходимости признать собственное незнание.

Хотя окружающая среда изменилась, некоторые приобретённые реакции способны продолжать влиять на его поведение.

Но это влияние не является неизбежным и окончательным. Благодаря приобретению нового опыта, поддержке и, при необходимости, профессиональной помощи человек может изменять прежние способы реагирования.

В Амбивалентном Солипсизме подобная возможность имеет непосредственное отношение к Закону развития.

Если некоторые последствия прошлого перестают служить благополучию, их необходимо исследовать и при возможности преобразовывать.

Следовательно, развитие состоит не только в сохранении приобретённого, но и в способности отличать полезное наследие от ограничений, утративших своё первоначальное значение.

Человек как точка пересечения исторических процессов

Каждый человек появляется на свет в мире, который начал формироваться задолго до его рождения.

Он получает органическое тело, обладающее определёнными физиологическими возможностями, и постепенно осваивает язык, социальные правила, знания и привычки окружающего общества.

Но приобретённый опыт не существует отдельно от его индивидуальности.

Один человек может использовать определённую технологию для научных исследований, другой — для художественного творчества, третий — для решения практических задач. Они получают доступ к общему культурному наследию, но используют его различным образом.

Таким образом, общественная история не просто воспроизводится в каждом новом поколении. Она проходит через индивидуальный опыт отдельных субъектов и приобретает новые формы.

Представьте ребёнка, который учится рисовать.

Первоначально он наблюдает за действиями взрослого, использует доступные материалы и пытается воспроизводить определённые движения. Позднее приобретает знания о композиции, цвете и различных художественных техниках.

Но в определённый момент он способен создать произведение, которое не является простым повторением ранее увиденного. Получается, что индивидуальность становится условием преобразования общего культурного опыта. В этом заключается одно из наиболее значимых отличий человека от элемента механической системы.

Человек способен не только воспроизводить полученные инструкции, но и исследовать их основания, обнаруживать ошибки и создавать новые способы деятельности.

Поэтому социальная аналогия с нейроном должна учитывать самостоятельность Субъекта восприятия реальности.

Нейрон участвует в функционировании определённой нервной системы, но человеческое общество не является организмом, обладающим безусловным правом распоряжаться жизнью отдельных людей.

Человек не должен превращаться в инструмент, существующий исключительно ради сохранения общественной структуры.

Напротив, общественная структура приобретает нравственное значение благодаря способности создавать благоприятные условия существования своих участников.

Именно поэтому три краеугольных камня Амбивалентного Солипсизма становятся необходимыми для дальнейшего развития социальной аналогии.

Взаимовыгодные отношения создают условия для совместной деятельности, принятие индивидуальности сохраняет самостоятельность участников, а Закон развития позволяет исследовать направление происходящих преобразований.

История, которой мы не помним

Теперь возникает ещё один интересный вопрос.

Как человек может зависеть от событий, о которых совершенно ничего не знает?

Представьте современную вычислительную систему. Она использует определённые математические принципы, технические решения и способы представления информации. Большинство пользователей не знает имён людей, благодаря которым возникли соответствующие технологии.

Но отсутствие этих знаний не означает отсутствия самих исторических связей. Человек способен пользоваться результатами прошлого, не обладая памятью о событиях, которые сделали их возможными. В этом отношении необходимо различать индивидуальное воспоминание и объективное продолжение последствий.

Память человека представляет собой одну из форм сохранения опыта. Но результаты деятельности могут сохраняться и вне индивидуальной памяти — в предметах, текстах, технологиях, общественных отношениях и других материальных или информационных структурах.

В Амбивалентном Солипсизме это различие имеет особое значение.

Если личность представляет собой изменяющуюся систему памяти и опыта, то индивидуальная биография не обязательно содержит сведения обо всех обстоятельствах, которые участвуют в формировании её возможностей.

Человек не помнит собственное внутриутробное развитие в форме обычных автобиографических воспоминаний. Не обладает личной памятью о культурных событиях, происходивших за тысячи лет до его рождения. Но его организм и окружающая среда существуют благодаря процессам, которые предшествовали возникновению текущей личности.

Следовательно, отсутствие воспоминания не уничтожает причинного влияния прошлого.

Однако из этого нельзя автоматически заключать, что Субъект сохраняет скрытую личную память обо всех предшествующих эпохах или что исторические события буквально записаны внутри него в форме законченной биографии.

Это уже иной философский вопрос, требующий самостоятельного обоснования.

Для нашей темы достаточно установить более доступную закономерность: **человек способен наследовать условия существования, не обладая непосредственной памятью об их происхождении.**

Именно благодаря этому общественное развитие может продолжаться за пределами продолжительности жизни отдельной личности.

Историческое наследие и свобода изменения

Если прошлое продолжает участвовать в настоящем, возникает вопрос о степени самостоятельности человека. Не означает ли это, что каждый Субъект полностью определяется предшествующими событиями и не способен изменить направление собственной жизни? Подобный вывод был бы преждевременным.

Человек действительно наследует определённые биологические особенности, социальные обстоятельства и культурные представления. Но он также способен приобретать новые знания, изменять привычки и выбирать между различными доступными способами действия.

Представьте человека, который вырос в семье, где постоянно воспроизводились конфликты и враждебное отношение к окружающим. В процессе взросления он мог приобрести соответствующие способы общения, воспринимая их как естественные.

Однако позднее, благодаря новым отношениям и жизненному опыту, он способен обнаружить, что существуют другие способы взаимодействия. Он может научиться разрешать разногласия без унижения, признавать право Другого на собственное мнение и устанавливать взаимовыгодные отношения. Таким образом, полученное наследие не обязательно становится окончательной судьбой. В этом проявляется отличие развития от механического повторения. Человек способен использовать прошлый опыт как источник информации, не превращая его в безусловное предписание относительно будущего.

Аналогичным образом общество может сохранять исторические достижения, одновременно отказываясь от несправедливых институтов и разрушительных форм поведения.

Закон развития требует не уничтожения прошлого ради самого факта перемен, а исследования того, какие его элементы продолжают способствовать благополучию субъектов.

Но и сохранение традиции не становится добродетелью исключительно благодаря её продолжительности.

То, что существовало сотни лет, может быть полезным, но также может сохранять последствия прежних ошибок.

Следовательно, нравственное развитие предполагает способность различать историческую преемственность и необоснованную привязанность к устаревшему.

Фрактал не только пространства, но и развития

Теперь можно вернуться к исходной мысли о мозге как фрактале Вселенной.

Обычно фрактальность связывают с повторением определённых форм при изменении масштаба. Но в Амбивалентном Солипсизме особый интерес представляет возможность обнаруживать сходные отношения не только между пространственными структурами, но и между процессами развития.

Отдельный человек приобретает опыт, сохраняет определённые навыки и формирует новые способы деятельности. Общество накапливает знания, преобразует институты и создаёт условия для последующих поколений.

В обоих случаях настоящее зависит от предшествующих процессов, но не обязательно повторяет их без изменений.

Однако подобное сходство не является доказательством существования универсального физического фрактала времени или истории.

Оно позволяет исследовать общий философский принцип: развитие может происходить через сохранение, преобразование и новую организацию ранее возникших возможностей.

Представьте дерево, которое продолжает расти на протяжении многих лет. Новые ветви возникают благодаря существованию прежних структур, но не воспроизводят их совершенно одинаковым образом. Изменения освещения, окружающей среды и других условий влияют на дальнейшее развитие растения.

Человеческая история значительно сложнее биологического роста дерева. Она включает самостоятельные решения множества субъектов, конфликты, сотрудничество, разрушение и создание новых форм общественной жизни.

Но образ помогает обнаружить важное обстоятельство.

Новая возможность редко возникает в полном отрыве от существующих условий. Чаще она становится результатом взаимодействия приобретённого опыта и новых обстоятельств.

В этом отношении головной мозг представляет особый философский интерес, поскольку участвует в осуществлении индивидуального познания и деятельности, благодаря которым человек изменяет окружающую действительность.

Мозг позволяет воспринимать события настоящего, использовать приобретённые знания и строить представления о возможном будущем. При этом он сам остаётся частью Природы, которая существует в значительно более широких пространственных и временных масштабах. Так возникает взаимосвязь между индивидуальным наблюдением и общей историей.

Время, память и Закон развития

Если прошлое способно продолжать существовать в последствиях, а будущее частично определяется текущими поступками, то каждый момент человеческой жизни приобретает дополнительное значение.

Представьте человека, который передаёт определённое знание ученику.

В момент объяснения происходит сравнительно небольшое взаимодействие. Но если ученик приобретает полезный навык и впоследствии использует его в собственной деятельности, результат первоначального действия способен распространиться значительно дальше.

Возможно, ученик позднее сам станет преподавателем. Возможно, создаст технологию или художественное произведение, которое будет использовано Другими.

Но дальнейшая последовательность не является заранее гарантированной.

Не каждое объяснение приводит к выдающемуся открытию. Не всякое полезное действие обязательно приобретает историческое значение.

Однако сама возможность продолжения последствий показывает, почему небольшое созидательное действие может быть значимым.

Здесь обнаруживается связь с Законом маленького плюса.

Человек способен совершать доступные действия, которые создают определённое улучшение в настоящем, не обладая исчерпывающим знанием обо всех будущих последствиях.

Но необходимо исследовать их действительный результат, поскольку даже благоприятное намерение иногда способно сопровождаться непредвиденным вредом.

В Амбивалентном Солипсизме это означает, что развитие не должно превращаться в безусловную веру в положительность любого изменения. Оно предполагает ответственное отношение к приобретаемым возможностям, сохранение полезного опыта и готовность исправлять ошибки. Именно благодаря этому настоящее становится не только результатом прошлого, но и возможностью изменения дальнейшей истории.

Заключение. Прошлое внутри настоящего

Головной мозг не содержит буквальную карту всех исторических эпох, а его анатомические структуры не являются уменьшенными изображениями отдельных цивилизаций.

Но рассмотрение мозга как философской модели развития позволяет обнаружить закономерность, которая имеет значение для понимания человеческого существования.

Прошлое не обязательно исчезает вместе с завершением событий. Его последствия способны сохраняться в материальной среде, знаниях, приобретённых навыках и общественных институтах.

Человек использует эти результаты, часто не обладая непосредственным знанием об обстоятельствах их возникновения. При этом он не обязан бесконечно воспроизводить унаследованное. Он способен исследовать прошлое, обнаруживать его ограничения и создавать новые возможности для будущего. Именно здесь возникает связь между биологической жизнью, культурной историей и самостоятельностью Субъекта восприятия реальности.

Мой мозг участвует в организации доступного Мне опыта. Моя личность формируется посредством памяти и взаимодействия с окружающим миром. А общество предоставляет знания и способы деятельности, которые создавались людьми задолго до Моего рождения.

Но Я способен использовать полученное наследие не только для повторения известных действий, но и для создания новых.

В этом заключается созидательный смысл исторической взаимосвязи.

Мозг можно рассматривать как фрактал Вселенной не потому, что внутри его анатомических структур буквально находятся звёзды, галактики и исторические эпохи, а потому, что он становится философским образом Природы, в которой различные уровни организации взаимодействуют, сохраняют последствия прошлого и создают условия для возникновения новых возможностей.

Возможно, человечество ещё не располагает достаточными знаниями, чтобы установить, существуют ли более глубокие физические соответствия между устройством мозга и космоса.

Но уже сегодня мы способны исследовать, каким образом небольшое действие одного человека становится частью общей истории.

И если настоящее создаётся во взаимодействии множества процессов, начавшихся задолго до Нас, то собственное участие в развитии приобретает особое значение.

Я не могу изменить всё прошлое, но способен изменять определённые последствия его существования. Могу использовать знания предыдущих поколений, исправлять обнаруженные ошибки и создавать условия для развития Других. Именно поэтому Закон развития связывает индивидуальную жизнь с более продолжительной историей человеческого сообщества.

Я воспринимаю, значит существую. В Моём настоящем продолжают действовать последствия прошлого, но будущее не исчерпывается ими. Я способен приобретать знания, изменять собственное поведение и создавать новые возможности, которые могут продолжить существование в опыте Других.

Восприятие субъекта

Восприятие субъекта начинается задолго до рождения. В своей философии Я связываю начало человеческого восприятия с формированием первых клеток центральной нервной системы — задолго до того момента, когда тело впервые оказывается за пределами материнской утробы, делает самостоятельный вдох и вступает в непосредственное взаимодействие с окружающим миром.

Но что означает воспринимать действительность, когда ещё не существует привычной нам картины мира? Когда нет знания о времени, пространстве, языке и собственном имени? Когда организм только приобретает возможность различать воздействия окружающей среды, а нервная система ещё находится в процессе формирования?

Чтобы приблизиться к пониманию этого состояния, необходимо на время отказаться от представления, будто человеческое восприятие всегда было таким, каким оно доступно мне сейчас.

Я вижу окружающее пространство, различаю звуки, узнаю предметы, пользуюсь словами и обращаюсь к воспоминаниям. Мне кажется естественным существовать среди вещей, обладающих определёнными размерами, формами, названиями и значениями. Но эта привычная действительность появилась в моём опыте не сразу.

До рождения не было ни моего имени, ни знания о существовании стран, ни представления о Солнце, планетах, человеческой истории или социальном устройстве общества. Мир, который Я сегодня считаю знакомым, ещё не был мною познан. И всё же тело, посредством которого Я взаимодействую с действительностью, уже существовало и развивалось. Значит, мою человеческую историю следует начинать не с первого воспоминания и даже не с первого вдоха, а с более раннего процесса — постепенного становления тех условий, через которые восприятие становится возможным.

Жизнь и восприимчивость к действительности

Без восприятия нет жизни.

Эту мысль необходимо понимать в самом широком философском смысле. Живое существует во взаимодействии с окружающей средой. Оно реагирует на изменения, поддерживает внутренние процессы, получает необходимые вещества и изменяет собственное состояние в зависимости от условий существования.

При этом восприимчивость живого организма не следует отождествлять с сознательным человеческим переживанием.

Растение реагирует на свет, но из этого ещё не следует, что оно видит окружающий мир так, как видит его человек. Клетка может изменять свою деятельность в ответ на химическое воздействие, но подобная реакция сама по себе не доказывает наличия у неё сознательного опыта.

Поэтому Я различаю способность живого взаимодействовать с действительностью и философский вопрос о том, существует ли субъект, которому дано переживание происходящего. В Амбивалентном Солипсизме субъект является воспринимающим началом. Организм, его органы чувств и центральная нервная система образуют условия человеческого взаимодействия с окружающим миром. Но если Я хочу понять происхождение человеческого опыта, мне необходимо исследовать не только уже сформировавшийся мозг, но и историю его возникновения. Первые этапы формирования нервной системы не сопровождаются немедленным появлением всех функций взрослого организма. Развивающаяся нервная ткань постепенно приобретает сложную организацию, создаются связи, формируются системы обработки сигналов и регуляции поведения. Невозможно автоматически считать возникновение первых нервных клеток доказательством существования уже сформированного сознания.

Но именно здесь в моей философии возникает вопрос о начале взаимодействия воспринимающего субъекта с развивающимся органическим телом. Я не могу наблюдать это начало изнутри чужого опыта. Не могу вернуться к нему посредством обычной памяти. И не располагаю способом достоверно установить, что именно переживается на каждой стадии развития. Тем не менее отсутствие такого знания не устраняет сам философский вопрос. Если моя личность возникла постепенно, а доступная мне картина реальности формировалась благодаря развитию организма и накоплению опыта, то каким могло быть восприятие до появления личности? И каким могло быть время до того, как Я научился его измерять?

Вселенная материнской утробы

Для взрослого человека материнская утроба представляет собой пространство внутри человеческого организма. Мы способны исследовать его анатомическое строение, наблюдать развитие плода и изучать физиологические процессы беременности. Но для развивающегося организма именно эта среда первоначально составляет окружающий мир. Он ещё не знает, что существует внешний мир в привычном человеческом понимании.

Не знает о зданиях, автомобилях, горах, океанах и звёздах. Не располагает представлением о том, что однажды окажется в пространстве, где тело будет самостоятельно опираться на поверхность, а лёгкие — обеспечивать газообмен с атмосферным воздухом.

Его среда существования устроена иначе. Тело окружено околоплодными водами. Движения происходят в ограниченном пространстве, а механические воздействия смягчаются жидкостью и поддержкой окружающих тканей. В первоначальном описании этого состояния Я использовал слово «невесомость». Но здесь необходимо различить физическую действительность и переживаемый образ. Материнская утроба не освобождает организм от земного притяжения. Гравитация продолжает действовать. Однако плавучесть тела в околоплодных водах и отсутствие самостоятельной опоры изменяют способы, которыми механические воздействия проявляются в его движениях. Поэтому образ невесомости позволяет мне выразить не буквальное отсутствие гравитации, а отличие внутриутробного существования от будущего опыта движения и удержания собственного тела. Представим пространство, в котором ещё не существует знакомого ощущения пола под ногами. Нет необходимости самостоятельно стоять. Нет необходимости удерживать голову вертикально, чтобы рассмотреть окружающую комнату. Нет обычного соприкосновения кожи с воздушной средой.

Существуют другие условия движения, прикосновения, давления и равновесия.

Тело развивается, приобретая возможности, значение которых раскроется после рождения. И здесь обнаруживается удивительная закономерность: организм формируется внутри одной среды, но постепенно готовится к существованию в другой.

Мир, который ещё не имеет названий

Прежде чем человек научится называть предметы, его нервная система должна приобрести возможность получать и обрабатывать информацию. Во внутриутробный период постепенно развиваются чувствительность к прикосновениям, движениям, изменениям положения тела, звуковым и другим воздействиям. По мере созревания сенсорных систем развивающийся организм получает доступ к всё более разнообразным сигналам. Он испытывает механическое воздействие окружающей среды. На него влияют перемещения тела матери. До него доходят звуковые колебания, в том числе её голос. Но происходящее ещё не может быть организовано в привычную взрослому человеку картину реальности. Звук не обязательно сопровождается знанием того, кто его произвёл. Движение не предполагает понимания пространства в категориях расстояний, улиц и направлений. Ритм не становится автоматически осознанным измерением времени. В этом состоит одно из существенных различий между восприятием и знанием.

Прежде чем научиться объяснять происходящее, организм вступает во взаимодействие с ним. Именно поэтому Я не могу свести восприятие исключительно к словам, которыми взрослый человек описывает свой опыт. Мир существует для развивающегося тела раньше, чем появляется возможность рассказать о нём.

Но насколько этот мир уже является субъективно переживаемым, а насколько представляет собой физиологическую обработку информации, остаётся предметом исследования.

Я не должен произвольно заполнять этот пробел готовыми образами взрослого сознания. И всё же могу попытаться представить, насколько необычной была бы действительность, если бы мне пришлось познавать её без большинства тех понятий, которыми Я пользуюсь сегодня.

Время до рождения

Особое место в этой проблеме занимает восприятие времени. Взрослый человек измеряет время часами, календарями и последовательностью событий. Он способен сравнивать прошлое с настоящим, вспоминать прожитые годы и строить планы на будущее. Но ни часы, ни календарь не являются самим переживанием времени. Они представляют собой созданные людьми средства согласования и измерения происходящих изменений. Моё субъективное ощущение длительности зависит от состояния организма, внимания, памяти и характера событий. Несколько минут ожидания иногда кажутся значительно продолжительнее нескольких часов увлечённой деятельности. Знакомая дорога может казаться короче, чем во время первого путешествия, когда внимание занято множеством новых впечатлений. Следовательно, физическая продолжительность событий и её субъективное переживание не обязательно совпадают. Теперь представим организм, который ещё не знает человеческих способов измерения времени.

Внутриутробное развитие сопровождается многочисленными ритмами: сердечными сокращениями, изменениями активности организма, движениями матери, чередованием физиологических состояний. Эти процессы могут создавать временную структуру поступающих сигналов. Но существование ритмов ещё не доказывает, что плод переживает длительность подобно взрослому человеку.

Я не знаю, существует ли на ранних стадиях развития осознанное различение прошлого, настоящего и будущего.

И всё же внутриутробная среда существенно отличается от послеродовой. Это позволяет мне предположить, что и возможное переживание последовательности событий не обязано совпадать с тем, которое сформируется позднее. Содержание восприятия изменяется вместе с развитием нервной системы. А если восприятие времени зависит от доступной информации и способов её организации, то изменение условий существования должно иметь значение и для того, как время становится доступным субъекту. Таким образом, рождение можно рассматривать не только как переход организма из одной физической среды в другую, но и как границу между существенно различающимися условиями формирования опыта.

Фрактальный сон субъекта

Здесь Я подхожу к одной из наиболее необычных гипотез Амбивалентного Солипсизма. В своей философской картине Я представляю внутриутробное существование субъекта как особое состояние, которое называю **фрактальным сном проживания жизни**. Это не обычный сон, в котором человек воспроизводит фрагменты пережитых событий. Ведь до рождения ещё не существует биографии, состоящей из знакомых улиц, человеческих лиц, совершённых поступков и приобретённых социальных ролей. Я предполагаю возможность принципиально иной формы переживания, в которой будущая жизнь предстаёт не как одна заранее известная последовательность событий, а как множество потенциально различающихся путей. Представим человеческую жизнь в виде разветвляющейся структуры. Один путь приводит к встрече двух людей. Другой — к тому, что они никогда не познакомятся. В одной последовательности событий человек получает определённые знания и выбирает профессию.

В другой — оказывается в иных обстоятельствах и приобретает совершенно другой опыт.

Какие-то события могут казаться незначительными, но их последствия распространяются на последующие решения и взаимоотношения.

В результате возникают всё более различающиеся истории. Я называю этот образ фрактальным потому, что на разных масштабах жизни обнаруживаются сходные отношения между возможностью, выбором, обстоятельствами и последствиями. Однако сходство принципа не означает тождества отдельных проживаний. Даже два пути, начинающиеся с почти одинаковых условий, не становятся одним и тем же опытом. И здесь важно различить философское предположение и научное знание. Исследования развития нервной системы плода позволяют обсуждать его реакции на внешние воздействия, обучение и постепенно возникающие состояния активности и покоя. Но они не дают оснований утверждать, что плод действительно видит во сне собственную будущую жизнь, наблюдает альтернативные биографии или получает информацию о событиях, которые ещё не произошли.

Фрактальный сон в Моей философии раскрывает возможность существования воспринимающего Субъекта в различных формах и состояниях реальности. Я сохраняю её именно как вопрос о том, что может означать проживание жизни для воспринимающего субъекта, если его существование не исчерпывается привычными категориями личности, памяти и календарного времени.

Эффект бабочки и множественность жизненных путей

Для развития этой гипотезы Я обращаюсь к эффекту бабочки. В теории сложных динамических систем известны ситуации, когда небольшие различия в начальных условиях способны со временем приводить к существенно различающимся результатам. Но это не означает, что всякая незначительная причина неизбежно вызывает огромное событие. Тем более из этого не следует существование параллельных миров или способность человека заранее воспринимать будущие события. В моей философии эффект бабочки становится способом рассуждать о чувствительности человеческой жизни к условиям её развития.

Представим два почти одинаковых дня.

В первом случае человек задерживается дома на несколько минут, знакомится с другим человеком и впоследствии меняет место работы. Во втором — выходит раньше и встреча не происходит. Одно различие меняет последующую цепь событий. Нельзя достоверно утверждать, что именно произошло бы в никогда не реализованной последовательности. Но можно видеть, что возможности человеческой жизни зависят от многочисленных взаимосвязанных обстоятельств. Теперь расширим эту картину. Жизнь человека определяется не только его собственными действиями. На неё влияют родители, окружающее общество, историческая эпоха, состояние здоровья, образование, условия труда и поступки людей, о существовании которых он может даже не знать. Человек появляется на свет внутри уже развивающейся истории. Он не выбирает все её исходные условия. Но постепенно приобретает способность участвовать в её дальнейшем изменении. В этом Я нахожу связь фрактального сна с Законом Развития.

Если возможные пути различаются, то значение приобретают не только сами события, но и условия, которые способствуют раскрытию возможностей субъекта. Помощь, полученная в определённый момент, может открыть направление деятельности, которое прежде было недоступно. Жестокость, лишение необходимых ресурсов или разрушение доверия могут ограничить варианты дальнейшего существования. Таким образом, образ множества жизненных путей приводит меня не к пассивному ожиданию предопределённой судьбы, а к вопросу об ответственности. **Если даже небольшое действие способно изменить дальнейшую историю, то мои поступки имеют значение не только для настоящего, но и для возможного будущего Других.**

Рождение как переход между мирами

Возвращаясь к внутриутробному существованию, Я вижу, что развитие организма неизбежно подготавливает его к переходу в новую среду. Этот переход происходит при рождении. Тело покидает пространство, в котором его поддерживали околоплодные воды и физиологические процессы материнского организма. Начинается самостоятельное дыхание воздухом, меняются условия кровообращения, механической поддержки тела, температурного воздействия и поступления сенсорной информации. Мир приобретает новые формы доступности. Но ребёнок ещё не знает, что он совершил переход из одной среды существования в другую. Он не может рассказать о сравнении прежнего и нового мира. Его организм приспосабливается к изменениям, а нервная система продолжает развиваться. В философском смысле Я вижу в этом переходе своеобразную границу.

До рождения существовал мир, в котором тело развивалось в непосредственной физиологической зависимости от материнского организма. После рождения начинается постепенное расширение возможностей самостоятельного взаимодействия с окружающей действительностью. Но слово «самостоятельность» здесь относительно. Новорождённый ещё долго зависит от заботы Других. И потому его вступление в новый мир не означает освобождения от взаимозависимости. Оно означает изменение её формы. Здесь Я возвращаюсь к исходному вопросу. Если воспринимающий субъект способен существовать через разные состояния организма и разные условия опыта, что именно сохраняет непрерывность его существования?

Моя философия предлагает различать субъект и личность.

Личность формируется вместе с накоплением памяти, приобретением языка, привычек, знаний и социальных отношений. Но субъект восприятия, в рамках Амбивалентного Солипсизма, не тождественен этой конструкции. Развитие нервной системы раскрывает становление органического аппарата восприятия; природу же самого воспринимающего Я раскрывает философское различение Субъекта, личности и тела.

Память до личности

Возможность дородового обучения особенно важна для понимания различия между памятью и личностью. Развивающийся организм способен изменять реакции на определённые воздействия. На поздних стадиях внутриутробного развития обнаруживаются формы знакомства с повторяющимися звуковыми сигналами. После рождения некоторые реакции ребёнка могут зависеть от того, какие звуки были доступны ему прежде. Это не означает существования у плода воспоминаний в форме развёрнутой человеческой биографии. Но позволяет рассматривать память шире, чем способность взрослого человека сознательно рассказывать о собственном прошлом. Важные процессы накопления опыта начинаются раньше, чем человек приобретает язык для их описания. Здесь Я вижу ещё одно подтверждение необходимости различать биологическую историю организма и сформировавшуюся личность. Личность не появляется в завершённом виде. Она складывается постепенно.

И даже после того, как человек научится называть себя по имени, узнавать собственное отражение и рассказывать о прожитых событиях, она продолжит изменяться.

То, что кажется устойчивым характером, может включать реакции, приобретённые задолго до осознанного понимания их причин.

Не обязательно все эти реакции сохраняются на протяжении жизни. Не обязательно они одинаково проявляются в любых обстоятельствах. Но история развития организма участвует в формировании возможностей дальнейшего опыта. Отсюда следует важный вывод: **не всякое влияние прошлого доступно мне как воспоминание о прошлом**. Я могу не помнить обстоятельства возникновения определённой реакции, но всё же сталкиваться с её последствиями. И потому исследование личности требует внимания не только к тому, что человек способен рассказать о себе, но и к условиям, в которых развивались его способности воспринимать и взаимодействовать с миром.

Забота о ещё не рождённом субъекте

Рассуждение о дородовом восприятии не должно оставаться исключительно метафизическим. Оно приводит к вопросу об ответственности перед развивающейся жизнью. Внутриутробный организм зависит от физиологического состояния матери и условий, в которых проходит беременность. Питание, медицинская помощь, безопасность и другие обстоятельства способны влиять на его развитие. Но здесь необходимо избегать представления, будто все особенности будущего человека можно однозначно вывести из отдельных переживаний или поступков матери. Развитие организма определяется множеством взаимодействующих факторов. Поэтому забота о будущей жизни не должна превращаться в обвинение беременной женщины за каждую возможную трудность. Напротив, она предполагает создание благоприятных условий, доступность медицинской помощи и уважение к телесной автономии самой женщины. Ведь её благополучие также имеет самостоятельную ценность.

В Амбивалентном Солипсизме Я не могу рассматривать развитие одного субъекта как основание для отрицания достоинства Другого.

Если человеческая жизнь возникает и развивается благодаря взаимосвязям, то ответственность должна выражаться прежде всего в поддержке, а не в принуждении. И здесь Закон маленького плюса приобретает вполне земное значение. Иногда улучшение условий начинается с небольшого действия: своевременной помощи, уменьшения вредного воздействия, предоставления необходимой информации или создания более безопасного окружения. Подобные действия не гарантируют заранее определённой судьбы. Но они способны улучшать условия, в которых будет развиваться человеческий организм и формироваться будущий опыт.

Пределы знания о дородовом существовании

Я не могу достоверно вспомнить своё внутриутробное существование. Не могу установить, каким было бы переживание времени на самых ранних стадиях формирования центральной нервной системы. Не могу доказать, что фрактальный сон содержит различные варианты будущей жизни. И всё же эти ограничения не требуют отказаться от философского исследования. Они требуют различать то, что Я знаю, то, что предполагаю, и то, что только пытаюсь вообразить. Наблюдая развитие нервной системы, Я изучаю материальные условия восприятия. Рассматривая дородовое обучение, Я исследую возможные следы опыта, возникающие до формирования зрелой личности. Размышляя о субъекте, Я обращаюсь к вопросу о том, кому может быть дано переживание происходящего.

А представляя фрактальный сон, Я пытаюсь выразить проблему множества возможных жизненных историй и неповторимости каждого проживания. Эти направления взаимосвязаны, но не тождественны. Физиологическое исследование не обязано подтверждать всякую метафизическую гипотезу.

Философское предположение не должно выдавать себя за результат измерения.

Однако научное описание организма также не освобождает меня от необходимости исследовать собственное отношение к существованию, времени и Другим. Мне важно сохранить способность задавать вопросы, даже когда окончательный ответ ещё недоступен.

Заключение

Восприятие человеческого субъекта Я рассматриваю как процесс, история которого начинается задолго до рождения и развивается вместе с изменением условий существования организма. Первоначальная среда отличается от той, в которой человек будет жить после рождения. Меняются способы получения информации, организация нервной системы, двигательные возможности и характер взаимодействия с окружающей действительностью. Позднее появляются язык, воспоминания, социальные отношения и личность — менталитет нейроцивилизации, посредством которого субъект приобретает всё более сложные способы присутствия в мире. Но в самом начале этой истории ещё нет привычной взрослому человеку картины действительности. Нет календаря, биографии и знания о мире, который предстоит открыть.

Поэтому, исследуя происхождение восприятия, Я должен помнить, что моё сегодняшнее представление о времени и реальности возникло в результате длительного развития. Моя философская гипотеза о фрактальном сне позволяет представить множество возможных жизненных путей, различающихся вследствие малых изменений обстоятельств. Но ценность этого образа заключается не в обещании заранее увидеть собственную судьбу. Он напоминает о том, что жизнь не исчерпывается единственным знакомым нам объяснением и что последствия происходящего способны простираться далеко за пределы первоначального события.

Я не помню начала своего человеческого восприятия. Но отсутствие воспоминания не означает отсутствия истории, которая предшествовала формированию моей личности.

Я не знаю, как переживалось время до рождения. Но понимаю, что привычная мне форма восприятия времени не могла существовать в неизменном виде на протяжении всего развития организма. Я не могу доказать существование фрактального сна будущих жизней. Но могу исследовать его как философский образ множественности возможностей, их взаимосвязей и неповторимости каждого проживания. И здесь передо мной возникает следующий вопрос. Если восприятие изменяется вместе с состоянием организма, памятью и окружающей средой, а субъективная продолжительность не всегда совпадает с измеряемой, то что же Я называю временем? **Время — это то, что существует независимо от воспринимающего, или то, каким изменение действительности становится доступным моему Я?**

Время

Когда Я пытаюсь понять природу времени, передо мной возникает странное обстоятельство: Я постоянно переживаю его течение, но никогда не встречаю время как самостоятельный предмет.

Я вижу движущегося человека, слышу смену звуков, замечаю, как изменяется освещение комнаты. В собственном организме Я ощущаю дыхание, сердцебиение, усталость и восстановление сил. Я помню происходившее прежде и ожидаю того, что может случиться впоследствии.

Все эти явления обладают одной общей особенностью: они позволяют мне различать изменения. Но является ли время самим изменением? Или изменение лишь делает время доступным моему восприятию?

В первоначальной формулировке Амбивалентного Солипсизма Я связывал восприятие времени с двумя взаимодополняющими процессами. С одной стороны, со сдвигом материи в пространстве, который субъект обнаруживает на экзистенциальном уровне собственного существования. С другой — с синтезом информации, поступающей от органов чувств и обрабатываемой центральной нервной системой.

Оба положения требуют дальнейшего раскрытия.

Потому что время, доступное моему переживанию, не совпадает с показаниями часов, а движение материи не исчерпывает всего, что принято называть временем.

Я могу прожить час, почти не заметив его продолжительности. А могу провести несколько минут в ожидании и пережить их так, словно прошёл гораздо более длительный период. Следовательно, для понимания времени недостаточно исследовать часы. Необходимо исследовать самого воспринимающего.

Изменение как основание переживаемого времени

Представим, что Я сижу возле окна. На улице движутся люди. Проезжают автомобили. Ветер колеблет ветви деревьев. Облака постепенно изменяют положение, а солнечный свет перемещается по стенам окружающих зданий. Я наблюдаю множество изменений. Человек, который несколько мгновений назад находился возле входа, теперь уже пересёк дорогу. Автомобиль, который приближался издалека, исчез за поворотом. Тень дерева стала длиннее. Каждое новое положение отличается от предыдущего. Чтобы обнаружить это различие, мне необходимо каким-то образом связать несколько состояний воспринимаемой действительности. Я не могу увидеть движение в его последовательности, если для меня существует только одно изолированное положение предмета. Восприятие изменения предполагает различение того, что было, и того, что происходит сейчас. Именно здесь возникает связь времени с памятью. Даже кратковременное удержание предыдущего состояния позволяет мне сопоставить его с последующим.

Я вижу не просто дерево, а дерево, ветви которого движутся. Не просто человека, а человека, который приближается ко мне. Не просто стрелку часов, а стрелку, изменившую своё положение.

Но движение окружающих предметов не является единственным источником временной организации опыта.

Представим, что Я нахожусь в помещении, где нет окон, а окружающие предметы остаются неподвижными. Внешне почти ничего не происходит. Но Я продолжаю дышать. Изменяется напряжение мышц. Возникают мысли. Внимание перемещается от одного переживания к другому. Даже в отсутствие заметных внешних событий организм не становится полностью неподвижным. Следовательно, время моего переживания связано не только с перемещением предметов, но и с непрерывными изменениями собственного состояния. **Я воспринимаю течение времени через изменения, происходящие как в окружающей действительности, так и в моём организме. Но само наличие изменений ещё не раскрывает окончательно природу времени.**

Движение материи и положение наблюдателя

Рассматривая время как изменение положения материи в пространстве, Я неизбежно сталкиваюсь с вопросом о наблюдателе. Представим человека, который едет в поезде. Он сидит возле окна и наблюдает деревья, здания и железнодорожные станции. Ему кажется, что окружающий мир движется навстречу, хотя сам он остаётся неподвижным относительно кресла. Но для человека, стоящего на платформе, происходит другое: поезд перемещается, а платформа остаётся на месте. Какой наблюдатель прав? Оба описывают действительные пространственные отношения, используя разные точки отсчёта. Это позволяет мне заметить, что описание движения зависит от системы, относительно которой оно устанавливается. Но восприятие не создаёт само движение. Выбранная точка отсчёта изменяет его описание.

Если пассажир закроет глаза, поезд не перестанет двигаться относительно станции.

А если человек на платформе отвернётся, перемещение состава не станет следствием его отсутствующего взгляда. Это различие необходимо сохранить. В Амбивалентном Солипсизме Я исследую субъективную форму доступа к реальности. Однако из того, что движение дано мне через восприятие, не следует, будто существование всего движущегося зависит от моего личного наблюдения. Физика также показывает, что время нельзя свести к перемещению предметов в обычном пространстве. Согласно теории относительности, измеряемая продолжительность и отношение одновременности зависят от физических условий и системы отсчёта. На ход часов могут влиять движение и гравитация. Здесь возникает важное различие. Когда два человека по-разному переживают одну минуту, их различие может относиться к психологическому состоянию.

Когда два высокоточных прибора показывают различные прошедшие интервалы в условиях, предсказанных теорией относительности, речь уже идёт о физическом эффекте, который можно измерить. Эти явления нельзя смешивать. Но их сопоставление напоминает мне, что привычная интуиция об одинаковом времени для всего существующего не исчерпывает научного понимания действительности. **Моё переживание длительности зависит от организации восприятия. Физически измеряемая длительность определяется условиями самого процесса измерения. Одно не следует произвольно подменять другим.**

Время как синтез информации

В предыдущих главах Я рассматривал реальность, доступную субъекту, как результат синтеза информации, поступающей посредством органов чувств. Но подобный синтез невозможен без некоторой временной организации. Представим музыкальное произведение. Первая нота сменяется второй, вторая — третьей. Возникает мелодия.

Однако если Я не способен удерживать связь между предыдущим и последующим звучанием, музыкальное произведение распадается для меня на отдельные звуки.

Я слышу ноту, но не узнаю мелодию. Чтобы возникла музыкальная последовательность, недостаточно существования звуков. Необходимо объединение событий во времени. Память удерживает то, что уже произошло. Восприятие предоставляет информацию о происходящем. Ожидание позволяет предполагать продолжение. Таким образом, настоящее оказывается связано с прошлым и возможным будущим. Эта связь проявляется не только в музыке. Когда Я наблюдаю движение человека, Я различаю не отдельные положения его тела, а действие. Когда слушаю речь, объединяю последовательно произнесённые слова в смысловые конструкции. Когда читаю книгу, новое предложение получает значение благодаря тому, что Я сохраняю содержание предыдущих. Следовательно, восприятие реальности и восприятие времени развиваются во взаимосвязи. Одно предоставляет содержание происходящего. Другое помогает организовать изменения этого содержания в последовательность. Но Я не рассматриваю их как два полностью независимых процесса.

Во многих случаях пространственные, телесные и временные характеристики события обрабатываются взаимосвязанными системами. Именно благодаря такой организации Я способен воспринимать происходящее не как хаотический поток отдельных сигналов, а как последовательность событий, имеющих определённые отношения друг с другом. **Время становится одной из форм организации воспринимаемой реальности, благодаря которой отдельные изменения приобретают для субъекта последовательность, длительность и значение.**

Внутренние часы

Одна и та же минута может переживаться разными субъектами по-разному. Представим двух людей, которые одновременно вошли в помещение. Один ожидает важного сообщения. Другой увлечён чтением книги. Оба проведут в комнате одинаковый интервал по показаниям находящихся рядом часов. Но для первого каждая минута может казаться необычайно продолжительной. Второй обнаружит, что время прошло почти незаметно. Почему? Человеческий организм не располагает одним отдельным органом чувств, предназначенным исключительно для восприятия времени. В оценке продолжительности участвуют различные нейронные и психологические процессы. Важную роль играют внимание, память, эмоциональное состояние, движения и внутренние сигналы организма. Иногда человек словно начинает прислушиваться к каждому мгновению. Он замечает паузы между звуками, проверяет часы, ожидает изменения. В другом состоянии внимание оказывается направленным на саму деятельность.

Человек не считает минуты, поскольку занят решением задачи, созданием произведения искусства или взаимодействием с Другим. Но здесь возникает ещё одно различие. Продолжительность события в момент его переживания и продолжительность того же события в последующем воспоминании могут оцениваться неодинаково. Представим путешествие, наполненное новыми впечатлениями. Во время поездки человек может быть настолько увлечён, что дни проходят незаметно. Но позднее, вспоминая события, он обнаруживает множество различных эпизодов.

Из-за этого прошедший период может казаться насыщенным и продолжительным.

Напротив, неделя однообразной деятельности могла переживаться медленно, но оставить сравнительно мало отчётливых воспоминаний. Следовательно, вопрос о субъективном времени нельзя свести к единственному механизму ускорения или замедления. **Время, которое Я переживаю сейчас, и время, которое позднее восстанавливаю в памяти, могут оказаться разными моделями одной и той же продолжительности.**

Органы чувств и временная чувствительность

В первоначальной рукописи Я предположил, что различия субъективного времени связаны с частотой восприятия органов чувств. Эта мысль указывает на действительно важную особенность нервной системы: восприятие событий зависит от того, насколько точно организм способен различать их последовательность. Например, два коротких звуковых сигнала могут восприниматься как отдельные события или как почти слитное звучание — в зависимости от интервала между ними и условий восприятия. Похожая закономерность существует и при обработке зрительной информации. Слишком быстрые изменения изображения могут перестать восприниматься как последовательность отдельных состояний. Однако было бы ошибкой заключить, что у каждого человека существует одна неизменная частота восприятия, определяющая скорость всего субъективного времени. Разные сенсорные системы обладают неодинаковыми возможностями временного различения.

Кроме того, важны особенности обработки информации, внимание, предшествующий опыт и характер самой задачи. Человек может очень точно различать короткие интервалы между звуками, но испытывать затруднения при оценке длительности ожидания. Следовательно, временная чувствительность и общее переживание течения жизни не являются одним и тем же. И всё же первоначальная идея сохраняет значение.

Изменение работы отдельной сенсорной системы способно изменить доступную картину событий.

При определённых обстоятельствах это может повлиять и на восприятие их временных отношений. Но более сложные нарушения восприятия длительности могут возникать и при изменениях работы центральной нервной системы, внимания, памяти или эмоциональной регуляции. Поэтому Я рассматриваю переживаемое время как результат совместной деятельности взаимосвязанных систем организма. **Разные возможности воспринимать изменения могут приводить к различиям в переживании длительности, но ни одна отдельная характеристика органов чувств не определяет всё субъективное время.**

Тело и множество временных ритмов

Время становится доступным мне не только через события окружающего мира. Моё тело обладает собственными ритмами. Я дышу. Сердце сокращается. Чередуются сон и бодрствование. Изменяются активность, температура тела, чувство голода и уровень работоспособности. Различные физиологические процессы имеют неодинаковую продолжительность. Некоторые изменения происходят за доли секунды. Другие продолжаются минуты, часы и дни. Есть процессы, связанные с годами развития и старения организма. Если рассматривать тело как органический транспорт субъекта, становится очевидно, что этот транспорт не просто находится во времени. Он обладает собственной историей изменений. Каждая прожитая ситуация может сопровождаться определёнными физиологическими состояниями. Повторяющиеся действия могут приводить к приобретению навыков. Условия среды могут способствовать восстановлению здоровья или, напротив, создавать длительные нагрузки.

При этом изменения организма не обязательно сопровождаются непосредственным осознанием каждого из них.

Я не ощущаю в подробностях все клеточные процессы, происходящие во мне. Но их последствия могут постепенно становиться доступными моему опыту. Иногда это проявляется в усталости. Иногда — в улучшении физической формы, изменении привычек, развитии навыков или появлении новых возможностей движения. Таким образом, во мне одновременно происходят процессы с различной продолжительностью. Их совокупность составляет историю организма, с которым связано моё человеческое существование. Здесь образ нейроцивилизации приобретает дополнительное значение. Внутри нервной системы множество взаимосвязанных процессов развивается в собственных временных масштабах, но участвует в формировании относительно целостного опыта. **Единство моего переживания не означает, что все процессы организма протекают с одной скоростью.**

Время до рождения

Размышляя о времени, Я возвращаюсь к предыдущей главе — «Восприятие субъекта». До рождения человеческий организм развивается в среде, существенно отличающейся от внешнего мира, доступного взрослому человеку. Он не знает календарей. Не различает исторических эпох. Не умеет говорить о прошлом и будущем. Но развитие организма уже происходит в определённой последовательности. Формируются ткани, органы и нервные связи. Меняются физиологические состояния.

Постепенно возникают новые возможности реагирования на окружающие воздействия.

Это означает, что физическая последовательность развития не требует наличия сформированного человеческого представления о времени. Но каким могло быть субъективное переживание подобной последовательности, если оно вообще было доступно на соответствующей стадии развития? На этот вопрос у меня нет окончательного ответа. Я не могу восстановить своё внутриутробное существование посредством обычной автобиографической памяти. Но могу предположить, что условия возможного переживания длительности были совершенно иными. Внутриутробная жизнь не организована посредством тех социальных событий, которыми позднее будет наполнена человеческая биография. Здесь ещё нет школьных занятий, рабочих графиков, праздников и ожидания назначенных встреч. Есть развивающийся организм и постепенно изменяющиеся способы его взаимодействия со средой. В моей философской гипотезе это состояние связано с образом фрактального сна.

Я представляю возможное существование субъекта до рождения как особую форму переживания, которая может выходить за пределы привычной последовательности воспоминаний и ожиданий. Но Я не могу считать этот образ установленным описанием дородового сознания. Он выражает философский вопрос о том, ограничены ли все возможные формы субъективного времени теми способами переживания, которые знакомы мне во взрослой жизни. **Я не знаю, каким могло быть переживание времени до моего рождения. Но понимаю, что мои нынешние представления о длительности сформировались в условиях, которых тогда ещё не существовало.**

Возраст и продолжительность прожитого

С возрастом изменяются не только тело и личность, но и способы воспринимать собственную жизнь.

Представим человека, который вспоминает детство.

Один год ранней жизни мог быть наполнен огромным количеством открытий. Каждая новая улица казалась отдельным миром. Каждая встреча приносила неизвестные прежде впечатления. Позднее некоторые события становятся привычными. Человек знает дорогу на работу, узнаёт знакомые здания и способен предугадывать последствия многих повседневных действий. Однако привычность не означает, что его восприятие обязательно становится беднее. Он может приобретать новые знания, менять род деятельности, путешествовать, знакомиться с людьми и обнаруживать возможности, которые прежде оставались ему недоступны. Таким образом, возраст сам по себе не определяет окончательно насыщенность переживаемого времени. На восприятие прожитого влияют память, внимание, количество различимых событий, эмоциональное значение опыта и множество других обстоятельств. Но здесь Я хочу обратить внимание на более глубокий вопрос. Когда человек говорит: «Мне сорок лет», — что именно обозначает это число?

Прежде всего, продолжительность существования организма с момента рождения согласно принятому способу летоисчисления. Но оно не раскрывает автоматически содержание приобретённого опыта. Один человек за определённый период может изучить несколько языков, создать произведения искусства, воспитать детей или освоить различные профессии. Другой проживёт те же календарные годы в совершенно иных обстоятельствах. Это не означает, что одна жизнь обладает большей ценностью. Но показывает, что равенство измеренной продолжительности не предполагает равенства переживаний. И здесь вновь необходимо различать возраст организма, развитие личности и философское понятие субъекта восприятия.

Личность изменяется вместе с памятью, привычками и опытом.

Организм проходит собственные стадии развития и старения. А субъект в Амбивалентном Солипсизме понимается как воспринимающее начало, не тождественное перечисленным свойствам личности. Такая онтологическая позиция не позволяет автоматически измерять философский возраст субъекта количеством лет существования тела. Бессмертие Субъекта в Моей философии не измеряется возрастом организма. Для меня существенно другое. Календарный возраст сообщает о продолжительности определённой жизни, но не исчерпывает ни её содержания, ни возможностей дальнейшего развития личности.

Календарь и человеческая договорённость

В первоначальной рукописи Я утверждал, что никто из живущих не знает, какое время происходит на самом деле с точки зрения летоисчисления. Эта мысль требует пояснения. Представим двух людей, живущих в разных культурных традициях. Они могут пользоваться различными календарями и по-разному обозначать один и тот же день. Номер года, начало исторического отсчёта, названия месяцев и правила построения календаря связаны с развитием человеческой культуры. Люди выбирали определённые события в качестве отправных точек для летоисчисления. Создавали системы обозначения дат. Сопоставляли астрономические циклы с общественными потребностями. Значит, календарь представляет собой инструмент организации совместной жизни. Но условность календарной системы не означает произвольности всех знаний о прошлом.

Мы способны исследовать возраст горных пород, определять приблизительную продолжительность существования звёзд, изучать исторические документы и устанавливать последовательность событий.

Точность таких исследований неодинакова и зависит от методов, но их результаты не сводятся исключительно к общественной договорённости. Я могу назвать определённый день разными календарными датами. Но это не изменит самих физических процессов, которые происходили в течение соответствующего интервала. Здесь появляется различие между названием времени и его измерением. Название года зависит от принятой системы отсчёта. Измеряемая продолжительность устанавливается посредством сравнения физических процессов. А субъективное переживание продолжительности зависит от состояния воспринимающего. Поэтому, когда Я говорю, что человечество не знает окончательно, «какое сейчас время», Я имею в виду прежде всего отсутствие единственного обязательного для всей Вселенной культурного летоисчисления.

Никто не обнаружил в природе календаря, на страницах которого была бы записана абсолютная дата существования мира. Мы создаём способы обозначения времени, потому что нуждаемся в согласовании действий. **Календарь является человеческой системой обозначения последовательности событий. Но события не становятся вымышленными из-за того, что люди могут обозначать их разными календарями.**

Существует ли время вне сознания?

Теперь Я возвращаюсь к самому сложному положению первоначальной концепции. **«Времени вне восприятия и сознания не существует».** Я сформулировал эту мысль, стремясь выразить фундаментальное значение воспринимающего субъекта. Если Я не воспринимаю изменения, не помню предыдущего и не ожидаю последующего, то каким образом течение времени может быть мне дано?

Могу ли Я непосредственно переживать то, что вообще никак не проявляется в моём опыте?

Здесь необходимо различать два вопроса. Первый относится к переживаемому времени. Без воспринимающего нет субъективного ожидания, воспоминания, скуки, нетерпения или ощущения продолжительности. В этом смысле время моего переживания невозможно отделить от самого переживания. Второй вопрос относится к существованию физических процессов независимо от сознательного наблюдения. Представим далёкую звезду, свет которой ещё не достиг Земли. Она изменяется, расходует энергию, проходит определённые стадии существования. Мне не нужно непрерывно наблюдать её, чтобы научная модель могла описывать эти процессы и предсказывать их последствия. Поэтому из невозможности переживания времени без субъекта нельзя автоматически вывести отсутствие физических временных отношений вне сознания. Однако философский вопрос о природе времени этим не исчерпывается. Возможно, время следует понимать как самостоятельную характеристику действительности.

Возможно, его природа теснее связана с отношениями между изменяющимися событиями, чем предполагает повседневная интуиция. А возможно, привычное различие между временем и его восприятием ещё не позволяет выразить весь характер существующего. Я не считаю необходимым объявлять одну из этих философских возможностей окончательно установленной только потому, что она согласуется с привычным способом мышления. Но Я должен различать пределы научного знания и свободу философского исследования. Время, доступное измерению, представляет собой предмет физики. Время, доступное переживанию, представляет собой предмет психологии и феноменологии.

А вопрос о том, существует ли время как независимая от всякого сознания сущность, относится к более широкой онтологической проблеме.

Моя исходная формула сохраняет значение как выражение радикального внимания к субъективной стороне бытия. Но её метафизическое содержание остаётся открытым для дальнейшей аргументации. **Я не могу переживать время вне собственного опыта. Но из этого ещё не следует, что все процессы действительности прекращаются там, где заканчивается моё восприятие.**

Время и память Другого

Есть ещё одна особенность времени, которая приобретает особое значение в человеческих отношениях. Я могу измениться, но память Другого продолжит сохранять мой прежний образ. Представим двух людей, которые долгое время не встречались. Когда-то между ними произошёл конфликт. Один из участников впоследствии пересмотрел собственные взгляды, изменил привычки и научился иначе относиться к людям. Но другой продолжает помнить его прежним. При новой встрече возникают две разные временные перспективы. Первый человек переживает себя в настоящем, обладая новым опытом. Второй обращается к модели личности, сформировавшейся много лет назад. Оба воспоминания имеют отношение к действительным событиям. Но прошлое состояние не обязано полностью описывать настоящее. Именно поэтому в Амбивалентном Солипсизме личность рассматривается как изменяющаяся конструкция. Она возникает в течение жизни и непрерывно приобретает новые свойства. Но окружающие могут продолжать взаимодействовать с её устаревшими моделями.

Здесь появляется важное нравственное требование.

Необходимо сохранять память о поступках, особенно если они причинили вред.

Нельзя просто объявить прошлое несуществующим. Но столь же опасно лишать человека всякой возможности измениться лишь потому, что окружающим известен его прежний образ. Ответственность за прошлое и возможность развития в настоящем не являются взаимоисключающими. Человек может признавать совершённое и одновременно создавать новые способы взаимодействия. Так возникает связь времени с социальной суперпозицией. В собственном восприятии Я существую как непосредственный центр переживания. Для Другого Я представлен определённой историей встреч, поступков и впечатлений. Эти истории никогда не совпадают полностью. И потому **моё настоящее не должно полностью подчиняться чужому воспоминанию обо мне, как и чужое настоящее — моей памяти о Другом.**

Цифровая память и остановленное мгновение

Современные технологии создают новые формы сохранения прошлого. Фотография удерживает изображение определённого события. Видеозапись позволяет снова увидеть последовательность движений и услышать голоса людей. Социальные сети сохраняют сообщения, опубликованные много лет назад. Искусственный интеллект может сопоставлять различные информационные следы, создавая на их основе модели личности и поведения. Но здесь возникает необычное противоречие. Живой человек изменяется. Его цифровые следы могут сохраняться в прежнем виде. Представим видеозапись, сделанную десять лет назад.

На ней Я произношу определённые слова.

Могу ли Я сегодня полностью отождествить себя с тем человеком? В биографическом смысле это Я. Но сегодняшняя организация моей памяти, убеждений и отношений может существенно отличаться от прежней. Запись сохраняет след прошлого состояния. Она не является непосредственным свидетельством всего моего настоящего существования. Искусственный интеллект способен анализировать подобные следы, но их количество не устраняет принципиальную неполноту знания о воспринимающем Другом. Изображение человека не является самим человеком. Записанная мысль не исчерпывает все его последующие размышления. История поступков не превращается автоматически в окончательный приговор его дальнейшим возможностям. Это не отменяет значения документальных свидетельств, ответственности или необходимости учитывать прошлые риски. Но требует осторожности в способах использования цифровой памяти.

Технология способна сохранить мгновение. Но она не должна лишать живого субъекта права продолжать собственную историю.

Настоящее как пространство действия

Я могу помнить прошлое. Могу представлять будущее. Могу строить подробные планы и предполагать последствия собственных решений. Но непосредственно действовать Я способен только в происходящем настоящем. Это не означает, что прошлое исчезло или что будущее не имеет значения. Прошлое продолжает влиять на меня через память, приобретённые навыки, состояние организма и условия окружающего мира.

Будущее влияет на мои нынешние решения посредством ожиданий и намерений.

Но именно в настоящем возникает возможность совершить действие, которое изменит дальнейшую последовательность событий. Представим человека, который много лет сожалел о собственном поступке. Он не может буквально вернуться в прошлое и отменить произошедшее. Но может признать причинённый вред, изменить поведение, восстановить отношения там, где это возможно, или предотвратить повторение подобной ситуации. Прошлое остаётся частью действительности. Однако отношение человека к его последствиям может измениться. Здесь обнаруживается связь времени с Законом маленького плюса. Если Я не могу мгновенно изменить всю историю своего существования, это не означает отсутствия возможностей развития. Даже небольшое действие, совершённое сейчас, способно изменить условия последующих событий. Не каждое изменение окажется значительным. Не всякая попытка приведёт к желаемому результату. Но сам принцип развития предполагает возможность возникновения нового состояния из предыдущего. Поэтому настоящее приобретает особую ценность.

Не как единственный существующий момент, который уничтожает прошлое и будущее, а как доступная мне точка участия в продолжающемся процессе изменений. **Я не властен над всем прошлым и не знаю всего будущего. Но способен действовать в настоящем, изменяя условия того, что произойдёт впоследствии.**

Время, свобода и ответственность

Время человеческой жизни ограничено возможностями организма. Существуют биологические процессы, которые Я не способен полностью остановить.

Существуют обстоятельства, которые невозможно повторить в точности.

Есть встречи, после которых люди больше не увидятся. Есть слова, произнесённые слишком поздно. Есть решения, последствия которых продолжают существовать независимо от того, помню ли Я о самом моменте выбора. Поэтому вопрос о времени имеет не только физическое и психологическое, но и нравственное значение. Если Я рассматриваю Другого как самостоятельного субъекта восприятия, то должен признавать значимость его времени. Время, которое человек тратит на труд, восстановление здоровья, ожидание помощи или преодоление последствий чужих ошибок, составляет часть его жизни. Нельзя бесконечно требовать от человека жертвовать собственными возможностями ради удобства другого или ради поддержания системы, забывшей о благополучии своих участников.

В рамках нейрокоммунизма и представления об обществе как социальном организме это приобретает особый смысл. Общественные институты должны не только распределять материальные ресурсы, но и создавать условия для полноценного использования человеком времени собственной жизни. Доступ к образованию расширяет возможности дальнейшего развития. Своевременная медицинская помощь способна сохранить годы активного существования. Разумная организация труда оставляет пространство для отдыха, творчества, семьи и самостоятельного исследования мира. Избыточное принуждение, хроническое истощение и лишение необходимых условий жизни, напротив, ограничивают время, которым человек способен распоряжаться свободно. Но здесь важно не свести развитие к постоянному увеличению производительности. Человек не существует исключительно ради выполнения задач. Ему необходимо время для отношений, размышления, восстановления сил и переживания самой жизни.

Отдых не представляет собой отсутствие развития только потому, что в этот момент не создаётся измеримый продукт.

Иногда восстановление организма становится необходимым условием будущего действия. Иногда спокойный разговор изменяет отношения сильнее, чем продолжительная деятельность. Иногда возможность остаться наедине с собственными мыслями помогает обнаружить ошибку, которую прежде не удавалось заметить. **Уважение к субъекту включает уважение ко времени его жизни — времени труда, отдыха, познания, любви и самостоятельного выбора.**

Время и граница сна

Теперь Я возвращаюсь к вопросу, который неизбежно возникает после размышлений о субъективной длительности. Что происходит со временем во сне? Я могу заснуть вечером и проснуться утром, обнаружив, что по часам прошло несколько часов. Но моё непосредственное переживание этого интервала не обязательно представляет собой непрерывное наблюдение за последовательностью событий. Иногда Я помню сновидение. Иногда просыпаюсь без доступных мне воспоминаний о нём. Иногда сюжет сна кажется значительно более продолжительным или сложным, чем Я ожидал. Но воспоминание о длительности сна не является непосредственным измерением его физической продолжительности. Оно возникает уже после пробуждения и зависит от особенностей сохранённого опыта. И здесь вновь появляется различие между изменениями организма и переживанием этих изменений. Пока человек спит, продолжают функционировать многочисленные системы его тела.

Нервная система изменяет характер активности.

Сохраняются дыхание и кровообращение. Но доступная субъекту форма сознательного опыта может существенно отличаться от бодрствования. В моей философии это открывает возможность размышлять о сновидении как об особой форме субъективной действительности. Я также рассматриваю гипотезу о множественности проживаний, которую выразил через образ фрактального сна. Однако нельзя считать содержание обычных сновидений доказательством существования параллельных миров. Сон заслуживает самостоятельного исследования именно потому, что раскрывает необычные отношения между памятью, образами, состояниями нервной системы и переживаемой реальностью. Если в бодрствовании Я привык связывать время с часами, движением окружающих предметов и последовательностью повседневных действий, то во сне привычные основания временного опыта могут существенно изменяться. Следовательно, исследование сна позволяет поставить вопрос о границах моего представления о времени.

Не обязательно всякая воспринимаемая реальность должна организовываться так же, как привычный мир бодрствования. Но и необычность переживания ещё не доказывает, что оно раскрывает существование иной физической Вселенной. **Сновидение напоминает мне, что субъективная последовательность событий не всегда совпадает с той картиной времени, которую Я использую для организации повседневной жизни.**

Заключение

Время занимает особое место в Амбивалентном Солипсизме, поскольку через него раскрывается взаимосвязь субъекта, организма, памяти и окружающей действительности. Я не наблюдаю время как самостоятельный предмет. Но обнаруживаю изменения.

Материя перемещается, преобразуется, вступает во взаимодействия.

Моё тело живёт в собственных физиологических ритмах. Органы чувств предоставляют информацию о происходящем. Центральная нервная система участвует в её обработке и объединении. Память сохраняет некоторые следы прошлого, а ожидание позволяет формировать представления о возможном будущем. Из этих взаимосвязанных процессов возникает доступное мне переживание длительности. Но измеряемое физическое время и субъективное время не следует отождествлять. Они относятся к разным способам исследования происходящего. Восприятие времени индивидуально. Одинаковая продолжительность может переживаться различными субъектами неодинаково. Изменения работы сенсорных систем, внимания, памяти и других процессов нервной системы способны влиять на временные оценки. При этом восприятие длительности не определяется одной неизменной частотой обработки информации. Общественные календари позволяют согласовывать действия, сохранять историческую последовательность и обозначать даты. Но человеческое летоисчисление не является самой природой времени.

А философский вопрос о существовании времени независимо от сознания остаётся более сложным, чем различие между часами и внутренним переживанием. В собственной онтологии Я продолжаю исследовать субъект как воспринимающее начало, не тождественное телу и личности. Но это различение не превращает субъективность времени в доказательство отсутствия физических процессов вне восприятия. Мой опыт предоставляет мне непосредственный доступ к переживаемому настоящему. Моя память позволяет обращаться к прошлому.

Моё воображение создаёт образы будущего.

И только посредством действий Я могу участвовать в изменении последующей истории. **Время открывается мне через изменения действительности и через синтез информации об этих изменениях. Моё переживание длительности индивидуально, потому что оно связано с состоянием организма, памятью, вниманием и накопленным опытом. Календарь позволяет людям согласовывать жизнь, но не исчерпывает ни природы времени, ни содержания человеческого существования. Я не знаю времени вне собственного переживания непосредственно. Но могу исследовать физические процессы, которые не прекращаются только потому, что Я перестал их наблюдать.** И если время моего существования зависит от того, как мне становится доступна последовательность происходящего, то возникает ещё один вопрос. Что происходит с воспринимаемой действительностью, когда Я засыпаю?

Когда исчезает привычная окружающая комната, изменяется ощущение продолжительности, а вместо знакомого мира возникают образы, события и целые истории, которых Я не наблюдал в бодрствовании? **Если во сне Я продолжаю переживать происходящее, то что именно отличает действительность бодрствования от действительности сновидения?**

Сны

Сны — это параллельные измерения жизни, в которых мы просыпаемся, когда засыпаем. Именно так Я первоначально выразил одну из наиболее необычных идей Амбивалентного Солипсизма. В повседневной жизни мне кажется естественным считать бодрствование основной формой существования, а сон — временным прекращением привычного взаимодействия с окружающей действительностью. Я ложусь в кровать, закрываю глаза, постепенно перестаю воспринимать комнату и спустя некоторое время просыпаюсь. Но что происходит между этими событиями?

Иногда мне кажется, что прошёл лишь один миг. Иногда Я помню целые истории, необычайные пространства, встречи и путешествия. Иногда во сне ко мне приходят идеи, которые кажутся настолько ясными, что Я могу размышлять над ними, развивать их и создавать нечто новое.

Бывает, что Я просыпаюсь с ощущением, будто только что обнаружил нечто важное, но уже не способен восстановить подробности. А иногда мне снится любовь. Я могу встретить девушку, которую никогда не знал в состоянии бодрствования, почувствовать к ней привязанность, влюбиться, прожить рядом с ней события, обладающие для меня настоящим эмоциональным значением. И только проснувшись, обнаружить, что мне неизвестно, кто она, где находится и существует ли вообще за пределами моего сновидения. Я могу чувствовать, что больше никогда её не увижу. Но само переживание встречи остаётся частью моей внутренней истории.

Иногда мне случалось видеть во сне то, что воспринималось как проживание моей будущей жизни. Я словно уже находился внутри событий, которые ещё только могли произойти. После пробуждения подробности исчезали, оставляя лишь ощущение необычного опыта.

Бывали и сновидения, в которых Я ощущал, будто поднялся до уровня Богов, словно доступная мне форма существования расширилась настолько, что привычные человеческие представления перестали определять пределы возможного. Затем Я возвращался. Просыпался в знакомом теле, в знакомой комнате, среди привычных вещей. И снова становился человеком, который помнит лишь часть пережитого. Подобные состояния заставляют меня задаваться вопросом: что именно Я называю сном, если во время него могу мыслить, любить, творить и переживать собственное существование столь же непосредственно, как в бодрствовании?

Мозг как ключ к различным состояниям восприятия

В предыдущих главах Я рассматривал тело как органический транспорт субъекта, а центральную нервную систему — как сложную инфраструктуру взаимодействия с воспринимаемой действительностью.

Во время бодрствования эта инфраструктура позволяет мне получать информацию от органов чувств, формировать картину окружающего мира и действовать в соответствии с доступными обстоятельствами.

Но сон показывает, что восприятие не ограничивается непосредственной регистрацией происходящего за пределами тела. Я могу закрыть глаза и продолжать видеть. Могу лежать неподвижно и переживать путешествие. Могу не слышать голосов окружающих людей, но разговаривать с кем-то внутри сновидения. Могу размышлять над философской проблемой и обнаруживать новые связи между идеями. Именно поэтому Я представляю мозг как своеобразный ключ, открывающий различные двери восприятия. Это образ, но образ существенный для моей философии. Ключ не обязательно создаёт пространство, дверь которого он открывает. Однако из существования ключа нельзя заключить, что за каждой воображаемой дверью находится независимый физический мир.

В научном описании сновидение связано с деятельностью нервной системы, способной создавать насыщенный внутренний опыт при изменившемся соотношении сенсорных сигналов, памяти, эмоций и механизмов контроля. В своей философской гипотезе Я рассматриваю более широкую возможность: привычные границы бодрствующего сознания могут не исчерпывать всех потенциальных форм существования воспринимающего субъекта. Здесь важно не смешивать два утверждения. Одно состоит в том, что мозг участвует в формировании сновидений. Это предмет нейронауки. Другое — в предположении, что некоторые состояния сна могут быть связаны с иными измерениями проживания. Это вопрос моей онтологии, требующий самостоятельного обоснования. Я не должен объявлять второе доказанным только потому, что первое подтверждается наблюдениями.

Но Я могу исследовать собственный опыт, сопоставлять его с известными закономерностями и сохранять открытым вопрос о природе всего переживаемого.

Сон как изменение режима сознания

Когда человек засыпает, мозг не прекращает работать. Изменяется организация нервной активности, последовательность физиологических состояний и характер взаимодействия с окружающей средой. Во время сна чередуются различные стадии. Сновидения могут возникать на разных стадиях сна, хотя особенно яркие и эмоционально насыщенные повествования часто вспоминаются после пробуждения из REM-сна. Это позволяет мне рассматривать сон не как простое отсутствие сознания, а как сложное состояние организма, в котором возможны различные формы переживания. Однако отсутствие воспоминаний о сновидении ещё не доказывает полного отсутствия переживаний во время сна. Я могу проснуться и ничего не помнить. Это не означает, что мне известна вся история предшествовавшего состояния.

Память не является непрерывной видеозаписью сознания. Она сохраняет лишь часть доступного опыта, изменяется при воспроизведении и зависит от множества физиологических условий. Особенно интересно, что иногда Я просыпаюсь с ощущением завершённой мысли. Мне кажется, что во сне Я нашёл решение, создал образ или понял определённую закономерность. Но стоит попытаться выразить её словами, как содержание начинает ускользать. Я помню, что размышлял. Помню состояние ясности. Но не могу восстановить сами рассуждения. Это различие между переживанием и памятью о нём особенно важно для Амбивалентного Солипсизма. Личность формируется благодаря памяти, опыту, привычкам и отношениям. Но во сне некоторые элементы этой конструкции могут временно становиться недоступными. Я не всегда помню свою биографию.

Не всегда узнаю привычное тело.

Иногда воспринимаю себя человеком с другой историей. И всё же переживание происходящего сохраняет непосредственный характер. Я не просто наблюдаю изображение. Я нахожусь внутри опыта. В рамках Амбивалентного Солипсизма этот опыт помогает увидеть различие между изменчивым образом личности и непрерывностью воспринимающего присутствия. Во сне может изменяться содержание моего Я, тогда как непосредственное переживание присутствия продолжает оставаться центральной особенностью доступного мне опыта.

Фройд и локальные сновидения

Зигмунд Фройд рассматривал сновидения как важный материал для исследования психики. В его представлении во сне могли проявляться желания, конфликты, воспоминания и переживания, не полностью доступные сознательному осмыслению во время бодрствования. Сновидение становилось своеобразным языком бессознательного. В Амбивалентном Солипсизме Я сохраняю интерес к этому направлению, но не считаю необходимым принимать каждое положение классического психоанализа как окончательную истину. Представим художника, который в течение дня размышлял о новой картине. Он хотел изобразить взаимосвязь человека и Вселенной, но не мог найти подходящую композицию. Ночью ему снится необычный город. Здания напоминают ветви огромного дерева, а между ними проходят светящиеся линии. Издалека город кажется единым организмом. Приближаясь, художник замечает, что каждая линия соединяет отдельные пространства, каждое из которых обладает собственной формой. Во сне он останавливается и рассматривает эту структуру.

Он не просто смотрит на неё.

Он размышляет о том, как мог бы передать её на холсте. Проснувшись, художник пытается восстановить увиденное. Некоторые детали исчезают, но общий принцип композиции остаётся. Возможно, его мозг преобразовал образы, о которых он размышлял в течение дня. Возможно, сочетание прежних впечатлений привело к появлению нового художественного решения. Но Я не могу автоматически определить единственную причину этого сновидения. Важнее другое: сон стал пространством творческого опыта. Я предпочитаю рассматривать такие сновидения как **локальные миры психической жизни**. В них могут преобразовываться воспоминания, впечатления, желания, знания и творческие замыслы, возникшие в пределах данной человеческой биографии. Однако подобная категория не обязана включать все возможные формы сновидений.

Лимб — внутреннее пространство переживания

Для описания особого типа локального сна Я использую понятие лимба. В моём философском языке лимб — это относительно обособленное пространство переживания, внутри которого субъект оказывается погружён в определённую картину действительности, не обязательно осознавая её происхождение. Это не медицинский диагноз и не установленная нейрофизиологическая структура. Я использую его как образ особой организации субъективного опыта. Представим, что мне снится огромная библиотека. Её залы соединяются переходами, лестницами и галереями. На полках находятся книги, которых Я никогда не видел. Я беру одну из них и обнаруживаю внутри рассуждение о природе сознания. Мне кажется, что автор книги открыл нечто важное.

Я начинаю читать, затем вступаю в мысленный спор с написанным, нахожу собственные аргументы и замечаю неожиданную связь с идеями, над которыми размышлял ранее.

Я перехожу в другой зал и обнаруживаю совершенно иную архитектуру. Каждая новая комната словно открывает новое направление мысли. Пока продолжается сновидение, библиотека воспринимается как самостоятельное пространство. Я могу не задаваться вопросом, каким образом оказался в ней. Мне достаточно того, что Я нахожусь внутри происходящего. После пробуждения выясняется, что привычная комната никуда не исчезала, а библиотека была частью пережитого сна. Но размышления, которые происходили внутри неё, были настоящим опытом моей психической жизни. Здесь Я различаю реальность переживания и реальность его предполагаемого источника. **Лимб может быть действительным для субъекта как переживаемый мир, не будучи доказанным самостоятельным измерением физической Вселенной.** Подобный образ помогает исследовать и человеческое бодрствование.

Ведь человек способен настолько привыкнуть к определённой модели действительности, что перестаёт замечать её условность. Но осознание границ модели не требует отрицания окружающего мира. Оно открывает возможность исследовать его глубже.

Сон внутри сна

Особое место среди сновидений занимают состояния, в которых человек уверен, что уже проснулся, хотя сон продолжается. Представим, что мне снится замечательная идея. Я нахожусь в мастерской и создаю произведение искусства. В какой-то момент понимаю, что обнаружил принцип, который давно искал. Мне хочется сохранить его.

Затем Я словно просыпаюсь.

Вижу свою комнату, нахожу блокнот и начинаю записывать увиденное. Мне кажется, что теперь идея не исчезнет. Но внезапно происходит ещё одно пробуждение. И Я обнаруживаю, что запись в блокноте тоже была частью сновидения. Теперь Я действительно нахожусь в привычной комнате. Блокнот лежит на прежнем месте. Но содержание идеи уже начинает стираться из памяти. Этот пример показывает необычную возможность: не только само событие, но и воспоминание о его сохранении может оказаться частью сна. Я могу быть уверен, что вернулся в привычную действительность, а позднее обнаружить, что переживал вложенное сновидение. Однако это не означает, что бодрствование вообще невозможно отличить от сна.

Во время бодрствования существуют более устойчивые возможности согласованной проверки происходящего: повторные наблюдения, взаимодействие с Другими, измерения и последовательные свидетельства. Во сне подобные возможности могут быть ограничены или организованы иначе. Но ложное пробуждение напоминает мне, насколько убедительной способна становиться внутренняя модель реальности. **Пробуждение становится не только физиологическим событием, но и философским образом перехода от одной организации опыта к другой.**

Осознанные сновидения

Иногда во сне возникает необычное состояние. Я продолжаю воспринимать окружающий мир сновидения, но одновременно понимаю, что сплю. Вместо полного отождествления с происходящим появляется способность наблюдать сам характер переживания. Это состояние принято называть осознанным сновидением.

Оно особенно интересно для моей философии, поскольку напоминает о различии между субъектом и содержанием воспринимаемой реальности.

Представим, что Я нахожусь в необычном городе. Его архитектура изменяется вместе с направлением моего внимания. Я рассматриваю здание и замечаю, что могу представить его иначе. В моей картине восприятия появляются новые формы. Я начинаю экспериментировать с пространством, наблюдать за изменениями и размышлять о том, как они возникают. Затем осознаю, что сплю. Теперь Я продолжаю воспринимать город, но уже не считаю его устройство самоочевидным. Изменяется не обязательно сам образ окружающего мира. Изменяется моё отношение к нему. Я начинаю понимать, что переживаемая действительность может обладать другой природой, чем предполагалось прежде. Осознанность не означает безграничного управления сновидением. Человек может понимать, что спит, но не иметь возможности произвольно менять всё происходящее.

И способность осознать сон не доказывает выхода из нервной системы или перехода в самостоятельный физический мир. Но здесь возникает важная философская аналогия. **Осознать сон — значит перестать полностью отождествлять себя с его содержанием. Осознать собственную обусловленность — значит обнаружить, что привычная картина действительности также может быть предметом исследования.**

Сновидение о смелости и выборе

Однажды мне приснился необычайно реалистичный сон, в котором Я осознал себя воином, находящимся среди других воинов в эпоху Средневековья. Я принадлежал к отряду, противостоявшему значительно превосходящему по численности войску.

Внутри сновидения происходящее воспринималось с такой полнотой, что Я практически не ощущал различия между ним и действительностью, в которой нахожусь сейчас, записывая эти строки.

Это не было простым наблюдением за исторической сценой. Я находился внутри событий. Я воспринимал окружающее пространство, понимал положение своего отряда и осознавал необходимость принимать решения. В какой-то момент стало очевидно, что численное превосходство противника слишком велико и почти весь наш отряд может погибнуть. И тогда Я совершил действие, которое запомнил после пробуждения. Я самостоятельно бросился навстречу превосходящим силам. Внутри сна это было моё решение. Я не воспринимал себя зрителем, наблюдающим за поступком вымышленного персонажа. Я переживал происходящее от первого лица. Исход сражения оказался трагическим: почти все погибли. Но в завершение этого опыта мне выразили жест уважения за то, что Я не побоялся в одиночку выступить против значительно превосходящего по численности войска. Затем Я проснулся.

И обнаружил себя в привычной действительности, в том самом мире, в котором заснул. Тело находилось в безопасности, а события сражения остались частью сновидения. Но воспоминание о собственном выборе сохранилось. Для меня особенно интересно то, что внутри сна Я обладал определённой свободой действия. Я мог воспринимать обстоятельства, оценивать происходящее и принимать решение. Сама ситуация была сновидческой, но переживание выбора обладало непосредственной реальностью.

Это не означает, что Я действительно участвовал в средневековом сражении или получил воспоминание из прошлой жизни. Подобное предположение потребовало бы независимых свидетельств, которых у меня нет.

Однако сон показывает, насколько убедительным может быть переживание личности, социальной роли и обстоятельств, отличающихся от привычной биографии. В этом опыте Я был воином. После пробуждения снова стал человеком собственной настоящей жизни. Но переживание собственного Я сопровождало оба состояния. Здесь Я возвращаюсь к различию между субъектом и личностью. Во сне Я мог обладать иным представлением о себе, занимать другое положение среди людей и действовать в обстоятельствах, которых никогда не переживал в состоянии бодрствования. Но поступок был дан мне как мой собственный. И хотя события не происходили в окружающем физическом мире, само переживание осталось частью моей памяти.

Я не делаю из этого вывода, будто готовность погибнуть является высшим проявлением мужества. В действительной жизни сохранение жизни, разумное преодоление опасности и ответственность за Других имеют самостоятельную ценность. Мне важно другое. **Даже внутри сновидения субъект способен переживать выбор, действовать в соответствии с собственным пониманием обстоятельств и сохранять память о значении совершённого поступка.** Этот сон не доказывает существования другого исторического измерения. Но позволяет исследовать, почему поступок внутри сновидения может обладать для воспринимающего почти такой же значимостью, как поступок в состоянии бодрствования. И здесь возникает вопрос: насколько моё понимание себя зависит от обстоятельств той реальности, в которой Я нахожусь?

Если в разных состояниях восприятия Я способен обнаруживать в себе сходные качества, то какую роль играют личность, память и сам субъект в сохранении этой внутренней непрерывности?

Сны проживания жизни

Теперь Я возвращаюсь к наиболее глубокому положению собственной гипотезы. Я предполагаю, что наряду с локальными сновидениями могут существовать принципиально иные состояния, которые называю **снами проживания жизни**. В отличие от обычного сна, состоящего из отдельных сцен и событий, подобное переживание Я представляю как существование внутри целостной биографии. Представим, что Я засыпаю в привычном мире. Но вместо короткого сновидения обнаруживаю себя в иной действительности. У меня есть имя. Есть воспоминания. Есть семья, друзья, занятия, знания и определённая история отношений. Я знаю улицы города, в котором нахожусь. Помню события собственного детства. Могу рассказывать о прошлом и строить планы на будущее. И при этом не помню жизни, из которой пришёл в это состояние. Для меня новая действительность оказывается основной. Я не воспринимаю её как продолжение предыдущего сна. Я живу внутри неё.

Мне случалось переживать во сне необычное ощущение, будто Я наблюдаю не просто вымышленную историю, а проживание собственной жизни, которая ещё только должна развернуться. Внутри такого опыта события могут казаться уже знакомыми, хотя в состоянии бодрствования Я не располагаю соответствующими воспоминаниями. Но после пробуждения подробности исчезают. Остаётся ощущение, будто Я видел нечто, к чему ещё предстоит вернуться. Я не могу считать это доказательством предвидения будущего.

Чтобы установить совпадение с последующими событиями, необходимо иметь достаточно точную запись содержания сна, сделанную до предполагаемого события, и возможность независимого сопоставления.

Если содержание забыто, остаётся само переживание, но исчезает возможность проверить его как предсказание. И всё же философская значимость подобного опыта не исчерпывается вопросом о доказательстве. Он заставляет меня задуматься о том, насколько привычная память определяет границы моей биографии. В Амбивалентном Солипсизме Я рассматриваю возможность вложенности проживаний. **Засыпая в одной реальности, субъект может пробуждаться в другой; то, что в одном состоянии воспринимается как сон, в другом оказывается проживаемой жизнью.** Так Я раскрываю возможность непрерывности воспринимающего Субъекта при изменении памяти, личности и самой формы проживаемой действительности.

Субъект и множественность личностей

Гипотеза снов проживания жизни непосредственно связана с различием между субъектом и личностью. В предыдущих главах Я рассматривал личность как конструкцию памяти, опыта, знаний, привычек и социальных отношений. Личность является инструментом взаимодействия субъекта с окружающим миром. Но она не тождественна самому воспринимающему Я. Во сне эта мысль приобретает особенно необычное выражение. Я могу переживать себя в другой социальной роли. Могу иметь иные знания. Могу не помнить событий собственного бодрствования.

Иногда меняется даже образ тела, посредством которого Я взаимодействую с окружающим пространством.

Но переживание всё равно дано мне непосредственно. Из этого возникает соблазн сделать вывод, будто субъект способен свободно перемещаться между разными личностями независимо от мозга. Однако подобный вывод не следует непосредственно из наблюдения обычных сновидений. Нервная система сама способна формировать изменяющиеся модели тела, памяти и собственного Я. Поэтому различия между сновидческими личностями не доказывают существования одной бессмертной души, переходящей между организмами. Но в моей философии сохраняется более широкий вопрос. Если субъект не тождествен личности, то не следует заранее ограничивать его природу только той биографией, которую он способен воспроизвести в настоящий момент. Я могу исследовать возможность непрерывности воспринимающего начала при изменении содержания опыта. Здесь необходимо сохранить принцип неповторимости каждого проживания. Даже если две жизни обладают сходными обстоятельствами, они не становятся буквально идентичными. Каждая история имеет собственную последовательность событий.

Каждая форма переживания отличается от другой. А признание возможного единства бытия не даёт мне права отрицать самостоятельность Другого субъекта. **Множественность возможных проживаний не должна уничтожать уникальность того, кто воспринимает, и самостоятельность того, кого он встречает.**

Фрактальность сновидений и эффект бабочки

В моей философии жизнь связана с образом фрактального сна.

Я представляю множество возможных проживаний как разветвляющуюся структуру, в которой небольшие различия способны приводить к существенно отличающимся последовательностям событий.

Представим, что мне снится встреча с человеком, который предлагает совместно создать произведение искусства. В одной последовательности Я соглашаюсь. В другой предлагаю изменить первоначальную идею. В третьей мы привлекаем к работе других людей, и замысел приобретает совершенно иные формы. Каждое действие способно изменить дальнейшее развитие событий. Сначала различия кажутся незначительными. Но постепенно возникают новые отношения, встречи, идеи и возможности. Так формируется образ множества расходящихся жизненных путей. В реальных сложных динамических системах небольшие изменения начальных условий действительно могут приводить к существенно различающимся последствиям. Однако этот принцип не доказывает, что все мыслимые варианты человеческой жизни существуют как отдельные миры.

В моём философском исследовании эффект бабочки становится моделью чувствительности жизни к обстоятельствам и действиям. А фрактальность выражает повторение определённых отношений на разных уровнях организации опыта. В одном сне Я могу переживать краткий эпизод. В другом — последовательность событий, которая субъективно кажется продолжительной. В моей метафизической гипотезе возможно и проживание целой биографии. Но общая структура не делает эти состояния одинаковыми. Фрактальность не означает бесконечного копирования одного содержания. Она позволяет представить родство принципа при неповторимости каждого проявления.

Даже если существование развивается по сходным принципам, каждое проживание остаётся индивидуальным.

Время внутри сна

В предыдущей главе Я рассматривал восприятие времени как результат взаимосвязи изменений, памяти, внимания и процессов центральной нервной системы. Во сне эта связь становится особенно заметной. Я могу переживать стремительное развитие событий. Могу переходить из одного пространства в другое, не замечая самого перехода. Иногда последовательность происходящего содержит пропуски. Я оказываюсь в новом месте и воспринимаю его как продолжение уже начавшейся истории. В других случаях сон сопровождается ощущением продолжительного созерцания. Я могу долго рассматривать необычную картину, исследовать замысел или находиться рядом с человеком, которого люблю внутри сна. Но Я не способен непосредственно установить, как долго продолжалось каждое переживание, только по собственному воспоминанию о нём. Сновидение может создавать впечатление длительности, которое не совпадает с измеренным временем сна. Здесь Я различаю три обстоятельства. Существует продолжительность физиологических процессов организма.

Существует последовательность событий, переживаемых внутри сновидения. И существует воспоминание об этой последовательности, сформировавшееся после пробуждения. Эти три области связаны, но не тождественны. В моей гипотезе снов проживания жизни возникает ещё более сложный вопрос. Если субъект способен переживать различные формы существования, обязана ли их субъективная продолжительность соответствовать единой внешней системе отсчёта?

Я не располагаю доказательством, что возможно прожить целую физическую жизнь за несколько минут сна.

Но философский вопрос о соотношении различных временных перспектив сохраняет значение. Даже внутри привычной жизни переживаемое время не является простым отражением циферблата.

Сновидение и влияние внешнего мира

Несмотря на необычность сновидений, спящее тело не утрачивает всякую связь с окружающей действительностью. До человека могут доходить звуки. Может изменяться температура помещения. Положение тела способно вызывать определённые ощущения. Некоторые внешние воздействия могут влиять на содержание сна или приводить к пробуждению. Представим, что за окном слышен шум дождя. Во сне Я могу оказаться возле реки или на городской улице во время тёплого летнего ливня. Но появление такого образа не означает, что всякий сон о воде вызван именно внешним звуком. Подобные причинные связи нельзя устанавливать без проверки. Однако возможность включения сенсорных сигналов в сновидение показывает, что граница между внутренней картиной и окружающей средой не всегда абсолютна. Организм продолжает существовать в определённых физических условиях.

А нервная система может перерабатывать поступающие воздействия способами, существенно отличающимися от бодрствующего восприятия. Здесь возникает связь с девятью потоками информации и синтезом переживаемой реальности, которые Я исследовал ранее. Во сне может изменяться участие отдельных сенсорных источников.

Внутренние образы, память и эмоциональные процессы способны приобретать более заметное значение.

Но Я не считаю необходимым вводить отдельный мистический орган чувств, который автоматически объяснял бы происхождение всех сновидений. Если Я хочу понять необычное переживание, сначала необходимо исследовать известные механизмы. И только после этого рассматривать предположения, выходящие за их пределы.

Ощущение без вещества

Мне доводилось испытывать во сне состояния, которые по своему субъективному характеру напоминали воздействие психоактивных веществ. Иногда мне снилось, будто Я употреблял каннабис. Внутри сновидения возникало полноценное ощущение изменённого состояния сознания, знакомое мне по прежнему опыту. Изменялось само качество восприятия происходящего. Я мог замечать необычное течение мыслей, изменения в ощущении собственного состояния и своеобразное отношение к окружающему пространству. Для меня это не было простым воспоминанием о том, как подобное состояние должно ощущаться. Во время сна Я непосредственно переживал его. Однако после пробуждения происходило нечто особенно интересное. Я обнаруживал себя в привычной действительности, и пережитый эффект полностью исчезал.

Мне не требовалось ожидать прекращения действия какого-либо вещества, потому что в действительности Я ничего не употреблял. Оставалось лишь воспоминание о том, что внутри сна существовало убедительное ощущение изменённого состояния сознания. Этот опыт заставляет меня внимательнее исследовать происхождение собственных ощущений. В обычной жизни определённое состояние организма может возникнуть под воздействием внешнего вещества, изменяющего работу нервной системы.

Но во сне нервная система способна формировать переживание, субъективно напоминающее уже знакомое состояние, без повторного поступления соответствующего вещества в организм.

Из этого не следует, что физиологические процессы в обоих случаях полностью одинаковы. Сходство переживаний не доказывает тождества механизмов, которые их вызывают. Но оно показывает, насколько сложной может быть связь между памятью, телесными ощущениями и синтезом воспринимаемой действительности. Здесь Я возвращаюсь к одному из центральных положений своей философии. Я воспринимаю не химическое вещество само по себе, а изменения собственного состояния, которые становятся доступными моему субъективному опыту. И если похожее переживание может возникнуть во сне, значит, знакомая мне форма ощущения не является достаточным доказательством того, что в окружающей физической действительности произошла соответствующая причина.

Реальность переживания не всегда означает тождество обстоятельств, которые могли бы вызвать подобное переживание в состоянии бодрствования.

Любовь, которая существует внутри сна

Среди всех сновидческих переживаний особое место для меня занимает любовь. Мне случалось влюбляться во сне. Не просто видеть привлекательный образ, а переживать встречу с человеком, который становился для меня близким. Во сне у нас могла быть своя история. Мы могли разговаривать, гулять, узнавать друг друга, чувствовать нежность и взаимное притяжение. Иногда возникало ощущение, что Я знаю эту девушку уже очень давно. Что между нами существует нечто большее, чем случайная встреча. Внутри сна мне не требовалось доказывать её существование. Я воспринимал её присутствие, голос, взгляд и наши отношения.

Но затем наступало пробуждение.

Я открывал глаза и понимал, что не знаю этой девушки в мире бодрствования. Мне неизвестны её имя и местонахождение. И Я не знаю, доведётся ли мне когда-нибудь снова увидеть её. При этом пережитое чувство не исчезало мгновенно вместе с окончанием сна. Оно могло сохраняться некоторое время, оставляя удивительное впечатление встречи с человеком, который существовал для меня только внутри другого состояния восприятия. Здесь возникает особый философский вопрос. Если чувство любви было настоящим переживанием, но существование любимого образа как самостоятельного человека не установлено, что именно Я испытал? Возможно, моя психика создала образ, объединив различные воспоминания, ожидания и представления о близости. Возможно, образ возник в результате более сложных процессов воображения. Но мне важно различать источник чувства и само чувство. Я действительно переживал любовь.

Однако из этого не следует, что встреченная во сне девушка обязательно существует где-то во внешней действительности. И всё же это не делает переживание бессмысленным. Оно напоминает, что способность любить не исчерпывается знакомыми именами и уже существующими отношениями. **Сновидение может подарить переживание близости, не оставив мне возможности продолжить знакомство. Но отсутствие продолжения не уничтожает ценности самого чувства.**

Сновидение как пространство мышления и творчества

Сновидения способны объединять образы, которые в обычной жизни кажутся несовместимыми. Знакомый город может соединяться с архитектурой совершенно другой эпохи.

Обычное помещение превращается в огромную библиотеку.

Дорога проходит через пространство, которое не подчиняется привычной геометрии. Но для меня особенно интересно, что внутри сновидения Я могу не только наблюдать образы, но и размышлять. Я могу рассматривать идею. Сопоставлять различные положения. Искать закономерность. Создавать произведение искусства. Иногда ход рассуждения кажется удивительно ясным. Словно Я обнаружил решение, к которому долго приближался в состоянии бодрствования. Но после пробуждения содержание может исчезнуть. Я помню, что пришёл к определённому выводу, но уже не могу восстановить его последовательность. Возможно, часть этого впечатления возникает из-за особенностей памяти и оценки собственных рассуждений во сне. Не всякая идея, казавшаяся совершенной внутри сновидения, сохранит свою убедительность после проверки. Но некоторые образы и решения действительно могут становиться материалом для творчества. Художник способен перенести увиденное на холст. Композитор — попытаться восстановить мелодическое движение.

Писатель — использовать необычную структуру пространства или отношений. Философ — превратить возникший вопрос в предмет последовательного исследования. Так внутреннее переживание может стать началом внешнего созидания. Сновидение не обязательно предоставляет готовое знание.

Но оно способно расширять пространство воображаемых возможностей.

И то, что было воображено, после проверки и воплощения посредством действия иногда становится частью общей действительности. Здесь Я нахожу связь с Законом Развития. **Сон может не только воспроизводить прошлый опыт, но и становиться пространством возникновения новых образов, гипотез и творческих возможностей.**

Уровень Богов

Некоторые мои сновидения отличались от обычных не столько содержанием событий, сколько самим масштабом переживания. Мне случалось испытывать состояние, которое Я описываю словами: **«Я вышел на уровень Богов».** Это не обязательно означало встречу с существами, которых люди называют богами. Скорее, изменялся сам масштаб доступной мне действительности. Привычные человеческие ограничения, способы объяснения мира и представления о собственных возможностях словно переставали быть окончательными. Я мог созерцать идеи на совершенно ином уровне. Ощущать особую ясность, широту связей и возможность мыслить о мире не из привычной человеческой позиции, а из значительно более обширной перспективы. Это переживание не обязательно сопровождалось словами. Иногда оно было ближе к непосредственному пониманию или созерцанию. Затем происходило пробуждение. Я возвращался к знакомому телу, обычному языку и повседневным задачам. То, что казалось ясным внутри сна, могло становиться трудно выразимым.

Часть пережитого исчезала из памяти. Часть сохранялась как ощущение прикосновения к иной форме понимания.

Я не могу считать подобное состояние доказательством того, что действительно становился божественным существом или получал доступ к объективному устройству Вселенной.

Но Я также не хочу заменять собственное описание переживания чужим определением, которое заранее устраняет его философское значение. Для меня выражение «уровень Богов» обозначает предельное расширение переживаемой перспективы, в которой привычная человеческая самооценка и доступные формы мышления перестают казаться единственно возможными. Этот образ связан с моей гипотезой о фрактальном устройстве бытия и возможных уровнях организации субъективного существования. Но он остаётся предметом исследования, а не завершённым доказательством соответствующей космологии. **Иногда сновидение открывает мне не столько новый мир, сколько необычайно расширенную перспективу восприятия самого существования.**

Сон, пробуждение и Другой

Особенно сложным оказывается вопрос о Других, которых Я встречаю во сне. Я могу разговаривать с человеком. Он отвечает на мои вопросы. Проявляет собственные намерения. Иногда говорит то, чего Я не ожидал услышать. Или возникает чувство любви к незнакомой девушке, которая кажется самостоятельным человеком со своей историей и внутренним миром. Но означает ли это, что передо мной находится независимый субъект восприятия? Научное изучение обычных сновидений не предоставляет достаточных оснований для подобного вывода. Внутренняя модель другого человека может формироваться благодаря памяти, воображению и деятельности нервной системы. Однако в философии Амбивалентного Солипсизма Я не должен превращать отсутствие доказательства самостоятельной субъектности сновидческого образа в окончательное утверждение о природе всех возможных форм существования.

Здесь необходимо сохранять различие между образом Другого и самим Другим.

Во время бодрствования Я тоже не обладаю непосредственным доступом к чужому переживанию. Я наблюдаю слова, поступки, выражения лица и особенности поведения. Но не могу полностью прожить внутреннюю жизнь другого человека. В обычных условиях существование Других подтверждается устойчивыми межсубъектными отношениями, независимыми действиями и возможностью совместной проверки происходящего. В сновидении подобная проверка может быть ограничена. Поэтому Я не вправе автоматически считать каждого встреченного во сне персонажа самостоятельным субъектом. Но и собственная метафизическая гипотеза не даёт мне права объявлять все возможные измерения продолжением исключительно моего Я. **Единство бытия не означает уничтожения Другого, а ограниченность моего знания не даёт права присваивать чужую субъектность.**

Пробуждение после завершения сновидческой жизни

В более ранние периоды жизни мне неоднократно снились сновидения, в которых Я умирал. Но каждый раз происходило пробуждение. Я возвращался к привычной окружающей действительности, узнавал собственное тело, комнату и обстоятельства своей человеческой жизни. Я продолжал жизненный путь именно в том измерении, в котором заснул. Эти переживания представляют для меня особый философский интерес. Внутри сновидения может завершаться целая история, а вместе с ней — существование того образа личности, с которым Я отождествлял себя в происходящих событиях. Но завершение истории внутри сна не обязательно означает завершение существования самого спящего организма. Я пробуждался, и непрерывность моей привычной биографии восстанавливалась.

Из этого Я могу сделать один осторожный вывод.

Окончание переживаемой истории не обязательно совпадает с окончанием всех условий, благодаря которым эта история стала доступной моему восприятию. В обычном сновидении нервная система продолжает функционировать, даже если его сюжет достигает собственного завершения. Поэтому мои пробуждения после подобных снов не являются научным доказательством бессмертия субъекта или реального перехода между жизнями. Но в рамках Амбивалентного Солипсизма они позволяют мне поставить более широкий вопрос.

Если внутри сновидения Я могу переживать окончание одной истории и затем обнаруживать себя продолжающим существование в другой доступной мне последовательности событий, то насколько тесно само чувство непрерывности связано с памятью и организацией переживаемой личности?

Моя гипотеза о снах проживания жизни предполагает возможность разных форм существования воспринимающего субъекта. Однако собственный опыт показывает мне, что не всякое завершение сновидческой жизни должно означать переход в иное измерение. Иногда оно оказывается границей одного сновидения и возвращением к прежней биографии. В этом Я вижу необходимость различать завершение сюжета, пробуждение организма и предполагаемую метафизическую непрерывность субъекта. Это разные вопросы. Их нельзя считать разрешёнными одним переживанием, каким бы убедительным оно ни было.

Я мог многократно переживать завершение своей жизни внутри сна, но каждый раз просыпался и продолжал существование в мире, в котором заснул. Именно поэтому для меня важно исследовать не только окончание отдельного проживания, но и природу самого пробуждения.

Бесконечность проживаний

Моя первоначальная мысль о снах предполагает ещё более радикальную возможность. Засыпая в одной жизни, субъект просыпается в другой.

Засыпая в другой — пробуждается в следующей.

И так продолжается снова и снова. И так до бесконечности. В этой картине привычная человеческая жизнь оказывается одним из множества возможных проживаний. Каждое обладает собственными обстоятельствами. Каждое сопровождается определённой организацией восприятия. Каждое может восприниматься изнутри как единственная существующая действительность. Но ни одно не обязано исчерпывать всё возможное существование субъекта. Эта гипотеза связана с моим представлением о бессмертии воспринимающего начала и перерождении. Однако Я не считаю, что обычные сновидения сами по себе доказывают бессмертие. Не доказывают они и бесконечное число прожитых или будущих жизней. Я описываю онтологическую модель, в рамках которой пытаюсь осмыслить возможность непрерывности субъекта за пределами одной личности. Возникает трудный вопрос. Если память отдельной жизни исчезает, что именно позволяет говорить о непрерывности субъекта? Я не могу ответить на него простым перечислением воспоминаний.

Ведь в моей концепции личность относится к памяти, опыту и организации психики конкретного организма. Субъект же рассматривается как тот, кому переживание дано. Но философское различие ещё не раскрывает механизма возможного перехода между жизнями. И потому мне необходимо сохранить пространство неизвестного. Если гипотеза бессмертия субъекта верна, потребуется объяснить, каким образом сохраняется непрерывность воспринимающего начала при изменении личности и органического тела.

Если же сознательное переживание неотделимо от определённой организации нервной системы, тогда представление о бесконечных проживаемых измерениях потребует иной интерпретации.

Я не хочу устранять это противоречие посредством красивой, но ничем не обоснованной окончательной формулы. Познание предполагает способность продолжать исследование даже там, где собственная гипотеза сталкивается с трудным вопросом.

Пробуждение как философский принцип

Существует ещё один смысл сна, который выходит за пределы физиологического состояния организма. Человек способен бодрствовать и одновременно оставаться глубоко обусловленным привычными представлениями. Он знает собственное имя. Выполняет социальные обязанности. Следует принятым правилам. Повторяет убеждения, усвоенные в детстве. Но может ни разу не задаться вопросом, почему считает эти убеждения истинными. Откуда возникла его картина мира? Какие представления были получены благодаря непосредственному опыту, а какие — посредством воспитания, телевидения, кинематографа, общественных институтов и чужих ожиданий? Какие ограничения являются действительными, а какие существуют только в привычной интерпретации? Именно здесь образ сна приобретает нравственное и познавательное значение.

Человек может жить внутри определённой модели реальности так же убедительно, как субъект переживает происходящее во сне. Но подобная аналогия не означает, что окружающие люди являются вымышленными персонажами или что материальные обстоятельства можно отменить одним лишь изменением убеждений. Она означает необходимость исследовать собственное восприятие.

В главе «Реальность» Я назвал один из способов такого исследования обратным синтезом.

Сначала Я воспринимаю целостную картину происходящего. Затем пытаюсь разделить её на наблюдения, воспоминания, эмоциональные реакции и предположения. После этого могу заново соединить доступную информацию, уже учитывая обнаруженные ошибки. Подобное действие напоминает пробуждение. Я не обязательно покидаю окружающий мир. Но перестаю считать его прежнюю интерпретацию единственно возможной. **Пробудиться — не значит объявить мир иллюзией. Пробудиться — значит обнаружить различие между воспринимаемой действительностью и привычными объяснениями этой действительности.**

Осознание собственной природы

Вопрос о сновидениях неизбежно возвращает меня к самому воспринимающему. Кто Я, когда вижу сон? Являюсь ли только совокупностью воспоминаний, доступных мне в данный момент? Тождественен ли той личности, которую знаю во время бодрствования? Или мои представления о собственной личности составляют лишь часть более сложного опыта существования? В Амбивалентном Солипсизме Я различаю субъект восприятия, тело и личность. Тело обеспечивает органические условия человеческого взаимодействия с миром. Личность складывается из памяти, опыта, приобретённых знаний, привычек и отношений. А субъект является воспринимающим началом, к которому Я обращаюсь, когда задаю вопрос: кто именно переживает происходящее? Сон не предоставляет окончательного ответа на этот вопрос. Но делает его особенно ощутимым.

Ведь даже когда привычная картина мира изменяется, само переживание продолжает оставаться непосредственно данным.

Я могу не узнавать город. Не помнить собственной биографии. Не понимать, как оказался в незнакомом пространстве. Могу влюбиться в человека, которого никогда прежде не встречал. Могу созерцать идеи, которых не способен полностью восстановить после пробуждения. Могу переживать необычайное расширение собственной перспективы. И всё же каждое из этих переживаний оказывается доступным моему Я. Здесь моя философия предлагает исследовать не только содержание сознания, но и сам способ самоотождествления. Если Я полностью отождествляю себя с социальной ролью, то изменение этой роли может восприниматься как разрушение собственного существования. Если считаю себя исключительно совокупностью убеждений, то обнаружение ошибки может казаться угрозой всему моему Я.

Но если Я учусь различать воспринимающего субъекта и изменяющиеся конструкции личности, появляется возможность иначе относиться к собственному развитию. Я могу менять взгляды, признавать ошибки, приобретать новые знания и перестраивать привычные способы взаимодействия с миром. Не обязательно разрушать всю личность, чтобы избавиться от одного ограничивающего убеждения. Не обязательно отрицать прошлое, чтобы изменить будущее. И не обязательно считать каждую мысль окончательным выражением собственной природы. **Я могу наблюдать содержание своего опыта, не объявляя каждое его изменение исчезновением моего Я.** Так размышление о сновидениях приводит меня к вопросу о самовосприятии.

Заключение

Сновидения раскрывают необычные особенности человеческого восприятия. Во время сна окружающий мир бодрствования может исчезать из непосредственного переживания, уступая место другим пространствам, событиям и образам. Я могу размышлять, любить, путешествовать, созерцать идеи и создавать нечто новое. Могу проснуться, сохранив прекрасное чувство, но утратив воспоминание о его обстоятельствах. Могу испытать любовь к человеку, которого не знаю в мире бодрствования. Могу пережить ощущение будущей жизни или необычайного расширения собственного сознания, не располагая способом установить буквальную природу пережитого. Наука исследует сновидения через деятельность нервной системы, память, эмоциональные процессы и различные стадии сна. Зигмунд Фройд предложил собственное понимание связи сновидений с бессознательной психической жизнью.

Его идеи представляют важный исторический контекст, но не исчерпывают современных подходов к исследованию сна. В Амбивалентном Солипсизме Я сохраняю философское различие между локальными сновидениями и гипотезой снов проживания жизни. Локальные сновидения могут рассматриваться как особые формы организации психического опыта, в которых преобразуются воспоминания, чувства, знания и творческие образы. Лимб выражает относительно обособленный мир переживания, внутри которого субъект способен принимать определённую картину происходящего за доступную ему действительность. Сны проживания жизни представляют более широкую онтологическую гипотезу о возможной множественности измерений существования субъекта. В этой гипотезе Я предполагаю, что засыпание в одной реальности может сопровождаться пробуждением в другой. И что подобная последовательность потенциально может продолжаться без окончательной границы.

Но Я не выдаю эту возможность за установленный научный факт.

Мне важно сохранить свободу философского исследования и уважение к границам доступного знания. **Сновидение может быть пространством любви, созерцания, открытия, мышления и творчества. Мозг является ключом к различным состояниям восприятия, но природа всего переживаемого не становится окончательно понятной только благодаря описанию работы этого ключа. Личность изменяется вместе с памятью и опытом. Однако в своей философии Я продолжаю исследовать субъекта как того, кому эти изменения даны. Засыпая, Я перестаю непосредственно воспринимать привычный мир. Но это ещё не означает, что всякое переживание прекращается.** И здесь возникает следующий вопрос. Если во сне Я могу переживать целые миры, размышлять над идеями, влюбляться и обнаруживать необычные формы собственного существования, то насколько полно осознаю свою природу в состоянии бодрствования?

Может ли человек прожить целую жизнь, так и не обнаружив различия между собой как воспринимающим субъектом и личностью, которую сформировали обстоятельства? И что произойдёт, если однажды он перестанет считать собственное имя, тело, социальную роль и усвоенные убеждения окончательным определением своего Я? **Что означает по-настоящему осознавать себя?**

Самовосприятие

В предыдущей главе Я рассматривал сновидения как особые состояния, в которых субъект способен переживать целые миры, мыслить, любить, творить и даже обнаруживать себя в обстоятельствах, совершенно не похожих на привычную жизнь. Иногда во сне Я могу осознать, что сплю. В такой момент окружающая действительность не обязательно исчезает. Я продолжаю воспринимать пространство, события и образы, но моё отношение к происходящему меняется. Я перестаю полностью отождествлять себя с содержанием сновидения.

И тогда возникает вопрос: возможно ли нечто подобное во время бодрствования?

Человек способен прожить многие годы, не задумываясь о происхождении собственных убеждений, привычек и представлений о себе. Он знает своё имя, выполняет определённые обязанности, взаимодействует с окружающими, строит планы и принимает решения. Но насколько хорошо он знает того, кто всё это переживает? В первоначальной рукописи Я писал, что многие субъекты находятся в глубоком сне сомнамбулы, не зная собственной природы. Они обусловлены материально-предметной действительностью воспринимаемого мира и отождествляют себя со своим телом и социальной ролью. Эта мысль не означает, что люди буквально спят наяву или что всякий человек, не разделяющий мою философию, лишён самосознания. Сон здесь является метафорой.

Я называю им состояние, в котором человек настолько привыкает к определённому способу существования, что перестаёт замечать различие между собой как воспринимающим субъектом и собственными представлениями о себе. Он может знать множество фактов об окружающем мире, но редко исследовать основания своего знания. Может уверенно описывать других людей, но почти никогда не подвергать сомнению собственную модель личности. Может стремиться к определённому положению в обществе, не задаваясь вопросом, действительно ли это положение соответствует его потребностям и ценностям. Именно поэтому самовосприятие занимает особое место в Амбивалентном Солипсизме. **Прежде чем пытаться окончательно объяснить окружающий мир, Я должен исследовать того, кому этот мир становится доступен.**

Тот, кто смотрит изнутри

Когда Я смотрю на собственную руку, Я вижу часть тела. Когда вспоминаю вчерашний день, передо мной возникают образы событий. Когда размышляю о будущем, Я создаю предположения о том, что может произойти. Но кто именно видит, вспоминает и размышляет?

На первый взгляд ответ кажется очевидным.

Это Я. Однако стоит попытаться определить собственное Я, как возникают сложности. Если Я назову своё имя, то назову слово, которым меня обозначают. Если укажу возраст, то сообщу продолжительность существования моего организма с момента рождения. Если перечислю профессии, знания и достижения, то опишу свойства личности и её социальную историю. Если обращусь к памяти, то восстановлю лишь часть прожитого. Каждое из этих определений имеет значение. Но ни одно не исчерпывает всего моего переживания. Я могу изменить имя. Могу освоить новую профессию. Могу пересмотреть собственные убеждения. Могу забыть некоторые события и приобрести новый опыт. Всё это будет влиять на мою личность. Но означает ли каждое изменение появление совершенно другого воспринимающего?

В Амбивалентном Солипсизме Я рассматриваю субъект восприятия как то начало, которому доступно непосредственное переживание происходящего. Тело является органическим средством взаимодействия. Личность — конструкцией, возникающей в процессе жизни. А субъект — тем, кому становятся доступны и тело, и личность, и окружающая действительность. Я использую такое различение как основу своей философской онтологии. Оно не означает, что Я располагаю научным доказательством существования души независимо от нервной системы.

Но позволяет сформулировать вопрос, который невозможно заменить простым перечислением психологических характеристик.

Кто есть Я, если все мои представления о себе сами становятся предметом моего восприятия?

Привычное бодрствование и автоматическое существование

Человеческая жизнь наполнена действиями, которые не требуют непрерывного сознательного контроля. Я могу пройти по знакомой улице, почти не задумываясь о каждом движении. Могу выполнять привычную работу, использовать освоенные навыки и вести знакомый разговор. Когда человек учится ходить, писать или управлять инструментом, ему необходимо уделять внимание множеству отдельных действий. Но после продолжительной практики часть этих действий становится автоматизированной. Это важное преимущество нервной системы. Если бы мне приходилось сознательно рассчитывать каждое сокращение мышц, Я едва ли смог бы одновременно двигаться, разговаривать и размышлять. Автоматизация освобождает возможности внимания для других задач. Поэтому сама по себе она не является недостатком.

Но существует различие между автоматическим выполнением освоенного действия и автоматическим принятием определённого жизненного решения. Представим человека, который каждое утро отправляется на работу. Он знает маршрут, время прибытия и последовательность обязанностей. Однажды он замечает, что перестал получать удовлетворение от деятельности. Но продолжает действовать так же, как прежде. Не потому, что исследовал все возможности и осознанно выбрал существующее положение, а потому, что давно привык считать его единственным. Возможно, у него действительно существуют материальные ограничения.

Возможно, смена работы пока связана с существенными рисками.

Но возможно и то, что часть ограничений поддерживается убеждениями, происхождение которых он никогда не исследовал. Здесь возникает пространство для самовосприятия. Человек может обнаружить различие между реальными обстоятельствами и собственными представлениями о невозможности изменений. Он не обязан немедленно менять жизнь. Но способен начать внимательнее исследовать её условия. Я называю подобное состояние пробуждением от автоматического отождествления. **Осознанность не требует непрерывно контролировать каждое движение. Она предполагает возможность замечать, когда привычное действие перестаёт соответствовать осознанному выбору.**

Тело как временный транспорт

В своей философии Я рассматриваю тело как органический скафандр, транспорт взаимодействия субъекта с окружающей действительностью. Но эта метафора не означает пренебрежения организмом. Напротив, именно тело обеспечивает доступные человеку возможности движения, восприятия и действия. Благодаря глазам Я вижу окружающий мир. Благодаря слуху различаю голоса и музыку. Благодаря нервной системе могу объединять множество сигналов в относительно целостную картину происходящего. Мышцы позволяют мне перемещаться, создавать предметы и взаимодействовать с окружающей средой. Организм требует питания, отдыха, безопасности и необходимых условий развития. Если тело является транспортом субъекта, то забота о его состоянии приобретает особое значение.

Нельзя считать автомобиль хорошим средством передвижения и одновременно безразлично относиться к состоянию его механизмов.

Но человеческий организм несравнимо сложнее любого созданного людьми транспорта.

Он не только обеспечивает движение, но и участвует в формировании переживаемого мира. Изменения зрения способны повлиять на доступную картину действительности. Нарушения сна могут изменить внимание и память. Боль, усталость, болезнь и восстановление организма способны существенно влиять на эмоциональное состояние и возможности поведения. Поэтому Я не противопоставляю самопознание заботе о теле. Я рассматриваю их как взаимосвязанные направления развития. Различение субъекта и организма не означает отрицания значения биологии. Оно означает, что Я не считаю исчерпывающим определение собственного Я только через внешнее описание своего тела. **Я нахожусь в теле как во временном транспорте. Но пока этот транспорт составляет условие моей человеческой жизни, забота о нём является частью ответственности за собственное существование.**

Личность как конструкция памяти и опыта

В предыдущих главах Я пришёл к важному различию. Личность не является неизменной сущностью. Она формируется на протяжении жизни благодаря памяти, опыту, воспитанию, знаниям и отношениям. Когда ребёнок появляется на свет, он ещё не обладает той сложной биографической конструкцией, которую позднее будет называть собственной личностью. Постепенно он начинает узнавать окружающих. Осваивает язык. Приобретает привычки. Учится взаимодействовать с людьми. Запоминает последствия собственных действий.

Формирует представления о допустимом и недопустимом.

В дальнейшем эти представления могут изменяться. Человек приобретает новые знания, пересматривает ценности, осваивает профессии и меняет способы поведения. Поэтому Я рассматриваю личность как изменяющийся инструмент взаимодействия субъекта с окружающей действительностью. В моей концепции существует формула: «Нет памяти — нет личности». Она подчёркивает фундаментальную роль памяти в формировании индивидуальной истории. Но её нельзя понимать так, будто человек с нарушениями памяти перестаёт быть достойным уважения или полностью утрачивает все свойства личности. Даже при существенных нарушениях автобиографической памяти могут сохраняться навыки, эмоциональные особенности, отношения и другие формы психологической индивидуальности. Поэтому точнее говорить, что без памяти невозможно формирование и поддержание привычной целостной автобиографической личности. В философском смысле меня интересует другое.[2]

Если память изменяется, а личность постепенно приобретает новые свойства, то должен ли Я отождествлять воспринимающего субъекта с её текущим состоянием? Я отвечаю на этот вопрос отрицательно в рамках собственной онтологии. Личность относится к организации определённой жизни. Субъект же рассматривается как тот, кому эта жизнь дана. **Личность является историей моего взаимодействия с миром, но история не тождественна тому, кто её переживает.**

[2] Prebble S.C., Addis D.R., Tippett L.J. Autobiographical memory and sense of self. Psychol Bull. 2013;139(4):815–840. doi:10.1037/a0030146.

Нейроцивилизация и формирование внутреннего мира

Для объяснения устройства личности Я использую образ нейроцивилизации. Мозг объединяет множество взаимосвязанных нейронов и нейронных сетей, деятельность которых обеспечивает восприятие, память, обучение и поведение.

Подобно тому как общество формирует культуру благодаря взаимодействию людей, личность возникает в результате сложнейшей взаимосвязи биологических процессов и приобретаемого опыта.

Образ нейроцивилизации позволяет рассмотреть формирование личности с разных уровней организации Природы. Субъект проживает внутренний мир как собственную жизнь; в более масштабной системе та же жизнь включена в сеть связей и совместных действий. Такое сопоставление помогает мне понять важную особенность личности. Личность нельзя свести к единственному воспоминанию, привычке или убеждению. Она возникает как относительно целостная организация множества процессов. Когда изменяется опыт, меняется и эта организация. Когда человек осваивает новое действие, его нервная система адаптируется к повторяющимся условиям. Когда меняется социальная среда, возникают новые требования и возможности. Когда человек пересматривает убеждение, он может постепенно изменить соответствующие способы внимания, оценки и поведения. Поэтому самовосприятие связано с возможностью развития личности. Я способен не только использовать сформированную конструкцию, но и исследовать её свойства. Замечать привычные реакции. Обнаруживать противоречия. Выявлять представления, которые перестали соответствовать действительности. И постепенно создавать новые способы взаимодействия с миром.

В этом смысле сознание напоминает интерфейс, посредством которого субъект получает доступ к части процессов собственной нейроцивилизации. Но интерфейс не раскрывает непосредственно всей внутренней организации системы. Я могу осознавать мысль, не зная всех нейронных процессов, благодаря которым она возникла.

Могу чувствовать определённую эмоцию, не имея полного знания о её происхождении.

Поэтому самовосприятие не является абсолютным знанием собственной природы. **Оно представляет собой развивающуюся способность исследовать себя, признавая неполноту собственной модели.**

Эго и социальная роль

Каждый человек занимает определённое положение среди Других. Он может быть ребёнком, родителем, другом, учеником, учителем, работником, руководителем или художником. В зависимости от обстоятельств социальные роли изменяются. Один и тот же человек способен занимать различные положения в разных отношениях. Но иногда определённая роль становится центральной частью самовосприятия. Человек начинает считать, что вся его ценность определяется занимаемой должностью. Или величиной дохода. Или признанием окружающих. Или принадлежностью к определённой социальной группе. В такой ситуации возникает опасность отождествления собственного Я с одной из изменяющихся характеристик личности. Представим руководителя, который много лет занимает высокое положение. Он привык принимать решения, пользоваться определённым авторитетом и получать уважение окружающих. Но затем обстоятельства меняются. Ему приходится оставить должность.

Если он полностью отождествлял себя с социальной ролью, изменение положения может переживаться как утрата собственной значимости. Но должность не исчерпывала его существования.

Он сохраняет знания, опыт, отношения и возможности дальнейшего развития.

Более того, перед ним могут открыться формы деятельности, которые прежде оставались недоступными. Это не означает, что потеря привычной роли не сопровождается реальными трудностями. Человеку могут потребоваться материальная поддержка, время для адаптации и новые социальные возможности. Но понимание собственной несводимости к одной роли позволяет не превращать её исчезновение в окончательный приговор себе. В Амбивалентном Солипсизме Я рассматриваю эго как организацию самоотождествления внутри личности. Оно помогает человеку поддерживать границы, узнавать собственную историю и действовать в общественных отношениях. Поэтому Я не предлагаю уничтожать эго. Я предлагаю исследовать его. **Социальная роль является формой взаимодействия с миром, но не окончательным определением воспринимающего Я.**

Мысль и тот, кто её замечает

Когда Я размышляю, в моём сознании возникают различные мысли. Одни связаны с текущими обстоятельствами. Другие обращены к воспоминаниям. Третьи представляют собой предположения о будущем. Иногда мысль возникает неожиданно. Иногда Я намеренно возвращаюсь к определённой задаче. Но существует важное различие между появлением мысли и моим отношением к ней. Если мне пришла идея, это ещё не означает, что она истинна. Если возникло опасение, оно не обязательно является точным прогнозом.

Если Я вспомнил определённое событие, моё воспоминание не обязательно содержит все существенные обстоятельства произошедшего.[3]

Я могу наблюдать мысль, не принимая её за окончательное описание действительности. Подобная способность имеет значение для самовосприятия. Представим, что Я собираюсь начать новый творческий проект. В какой-то момент возникает мысль: «У меня ничего не получится». Я могу воспринять её как установленный факт. Но могу задаться вопросом, на чём она основана. Возможно, у меня действительно недостаточно определённых знаний или ресурсов. Тогда необходимо выяснить, какие условия можно изменить. Но возможно и то, что мысль появилась вследствие прежнего неудачного опыта, чужой оценки или привычного ожидания отрицательного результата. В таком случае она представляет собой одну из возможных интерпретаций, а не окончательное знание. Я не обязан игнорировать собственные сомнения. Они могут указывать на действительные проблемы.

Но и не обязан подчиняться каждой мысли только потому, что она возникла в моём сознании. **Мысль становится доступной моему восприятию, но её появление ещё не делает её моим окончательным убеждением.**

[3] Fivush R., Grysman A. Accuracy and reconstruction in autobiographical memory: (Re)consolidating neuroscience and sociocultural developmental approaches. WIREs Cogn Sci. 2023;14(3):e1620. doi:10.1002/wcs.1620.

Самовосприятие и границы знания о себе

Человеку бывает трудно признать, что он способен ошибаться не только относительно окружающего мира, но и относительно собственной личности. Мы привыкли считать себя главными свидетелями своей внутренней жизни. И в определённом смысле это действительно так. Никто другой не может непосредственно пережить за меня мои ощущения.

Но непосредственный доступ к переживанию не означает полного знания его причин.

Я могу понимать, что испытываю радость, но не сразу обнаружить все обстоятельства, повлиявшие на неё. Могу быть уверен в причине собственного решения, хотя в действительности на него воздействовали различные неосознанные факторы. Могу считать определённую привычку частью своей природы, хотя она сформировалась в конкретных социальных условиях. Поэтому самовосприятие должно включать способность сомневаться в собственной модели себя. Не в смысле бесконечного обесценивания собственных переживаний. И не в смысле отказа от всякой уверенности. А в смысле готовности уточнять свои представления, когда появляются новые основания. В предыдущих главах Я рассматривал проблему вещи самой по себе.

Мы получаем информацию о явлениях посредством доступных способов восприятия и не можем автоматически приравнивать собственную модель к полной природе объекта. Подобная граница существует и в самопознании. Я могу знать о себе очень многое. Но не обязан считать известное окончательным. **Модель самого себя также является моделью. Она способна развиваться, уточняться и обнаруживать собственные ошибки.**

Разобусловливание

Человек появляется на свет в определённой культурной и социальной среде. Он не выбирает заранее язык, на котором с ним будут разговаривать. Не определяет самостоятельно все правила воспитания. Не создаёт с нуля общественные отношения, внутри которых начинает развиваться его личность.

Постепенно он усваивает представления о мире.

Одни помогают ему взаимодействовать с окружающими. Другие обеспечивают безопасность. Третьи формируют привычные способы поведения. Но часть убеждений может оказаться устаревшей, неполной или не соответствующей его действительным интересам. Именно поэтому Я ввожу понятие разобусловливания. Под ним Я понимаю исследование приобретённых установок и ослабление тех автоматических связей между восприятием, оценкой и поведением, которые ограничивают возможность осознанного выбора. Разобусловливание не означает уничтожения личности. Не требует забывать собственную биографию. Не предполагает отрицания культуры или отказа от всех социальных норм. Оно направлено на расширение свободы исследовать собственные представления и изменять их там, где это обоснованно.

Представим человека, которому с детства повторяли, что искусство не может стать серьёзным делом жизни. Повзрослев, он продолжает рисовать, но никогда не рассматривает возможность профессионального развития в этой области. Ему кажется, что подобная деятельность изначально обречена на неудачу. Но однажды он начинает исследовать происхождение собственного убеждения. Выясняет, что существует множество профессиональных направлений, различных способов обучения и форм творческой деятельности. Он обнаруживает реальные сложности, но также замечает возможности, о которых прежде не знал. Ему не требуется немедленно оставлять работу или рисковать собственным благополучием. Он может постепенно развивать навыки, изучать условия рынка, создавать портфолио и проверять собственные возможности.

Здесь разобусловливание становится не отказом от реальности, а более внимательным взаимодействием с ней.

Освобождение от ограничивающего убеждения не отменяет действительных обстоятельств, но может открыть новые способы действия внутри этих обстоятельств.

Обратный синтез собственной личности

В главе «Реальность» Я рассматривал обратный синтез как способ исследования уже сформированной картины происходящего. Подобный подход применим и к самовосприятию. Обычно человек располагает относительно целостным представлением о себе. Он считает себя обладателем определённого характера, способностей, убеждений и привычек. Но эта целостная модель складывается из различных источников. Воспоминаний о собственных поступках. Оценок окружающих. Социального опыта. Эмоциональных состояний. Историй, которые человек рассказывает о собственной жизни. Чтобы исследовать такую модель, необходимо временно различить её составляющие. Представим, что Я считаю себя человеком, неспособным к публичным выступлениям. Возможно, в прошлом у меня действительно возникали затруднения. Но насколько обоснованно превращать несколько событий в окончательное определение собственных возможностей? Я могу вспомнить, в каких условиях происходили выступления. Какую подготовку имел. Какие обстоятельства влияли на моё состояние.

Какие навыки уже приобрёл впоследствии.

Так Я перестаю воспринимать прежнюю самооценку как неизменную характеристику. Она становится предположением, которое можно уточнять. Но обратный синтез не должен превращаться в бесконечное сомнение во всём собственном опыте. Его задача — не разрушить чувство реальности, а сделать представление о себе более обоснованным. **Я исследую собственную модель не для того, чтобы перестать быть собой, а чтобы лучше понимать, какие её элементы соответствуют действительности и какие могут быть изменены.**

Страх и самовосприятие

Страх занимает особое место в человеческой жизни. Он способен предупреждать об опасности, помогать избегать вреда и побуждать к защитным действиям. Поэтому Я не рассматриваю всякий страх как недостаток сознания. Существуют реальные обстоятельства, при которых осторожность необходима. Но страх может возникать и вследствие представлений о событиях, которые не происходят в настоящий момент. Человек способен опасаться чужого неодобрения, потери статуса, неопределённого будущего или нарушения привычных социальных ожиданий. Иногда подобные опасения имеют реальные основания. Иногда их интенсивность значительно превосходит фактические риски. А иногда они поддерживаются убеждениями, которые человек усвоил настолько давно, что перестал замечать их происхождение.

В первоначальной рукописи Я связывал развитие самовосприятия с освобождением от страхов, навязанных политической системой и культурой. Эта мысль требует различения.

Культура может передавать не только ограничивающие представления, но и знания, способы сотрудничества, искусство и нравственные нормы.

Общественные институты способны как обеспечивать безопасность, так и использовать страх для управления поведением. Поэтому Я не считаю любую социальную норму проявлением манипуляции. Меня интересуют прежде всего те ситуации, в которых человеку внушают необходимость подчинения, не предоставляя возможности самостоятельно исследовать основания предъявляемых требований. Представим человека, которому предлагают отказаться от собственных убеждений из страха потерять общественное одобрение. Он может начать сомневаться не потому, что обнаружил новые аргументы, а потому, что ожидает наказания или исключения из значимой группы. Здесь страх способен влиять на саму организацию мышления. Вместо исследования действительности человек начинает искать наиболее безопасную форму согласия. Развитое самовосприятие помогает заметить подобное влияние. Однако оно не гарантирует полной независимости от общественного давления.

Свобода требует не только внутренней способности мыслить, но и внешних условий безопасности, правовой защиты и возможности действовать. **Осознать происхождение страха — не значит автоматически устранить его. Но это может стать началом более свободного и обоснованного выбора.**

Закон сохранения чувства реальности

Когда человек сталкивается с идеей, которая противоречит его привычной картине мира, он не всегда реагирует исключительно рационально. Иногда несогласие воспринимается как угроза собственному положению. Ведь убеждения могут быть связаны с биографией, социальными отношениями и ощущением устойчивости окружающей действительности. В Амбивалентном Солипсизме Я описываю подобную тенденцию через Закон сохранения чувства реальности.

Его смысл заключается в том, что субъект может стремиться сохранить привычный порядок собственной картины мира, особенно если изменение этой картины кажется ему опасным.

Представим двух людей, обсуждающих определённый общественный вопрос. Один приводит аргументы, противоречащие убеждениям другого. Вместо исследования аргумента второй может начать сомневаться в компетентности или мотивах собеседника. Первый, в свою очередь, способен воспринять ответ как личное обесценивание. Так обсуждение постепенно перестаёт быть исследованием предмета. Оба начинают защищать собственные представления о себе. Это возможный психологический механизм, а не неизбежная реакция каждого человека. Но он показывает важную связь между самовосприятием и межличностным общением. Если Я полностью отождествляю себя со своими убеждениями, любое их опровержение может казаться угрозой моему Я. Но если Я признаю возможность ошибочности собственной модели, изменение убеждения перестаёт означать уничтожение моей индивидуальности.

Я могу отказаться от ошибочной идеи и при этом сохранить уважение к себе. Могу согласиться с Другим, не становясь его копией. Могу продолжать спорить, не считая несогласие доказательством враждебности. **Чем меньше Я отождествляю собственное существование с непогрешимостью своих убеждений, тем больше возможностей появляется для исследования действительности.**

Я и Другой: социальная суперпозиция

Самовосприятие не существует отдельно от взаимодействия с людьми. Я знаю себя изнутри. Но Другой воспринимает меня посредством слов, поступков, внешности и оставленных следов.

Он создаёт собственную модель моей личности.

Третий человек может вообще ничего обо мне не знать. Так возникает социальная суперпозиция. В собственной перспективе Я являюсь непосредственным центром переживания. Для человека, который взаимодействует со мной, Я могу быть участником его жизни, занимая определённое положение среди других людей и событий. Для того, кто никогда со мной не встречался и не имеет представления о моём существовании, меня нет в его доступной картине мира. Но это не означает моего буквального физического исчезновения. И не делает Другого менее реальным. Каждый воспринимающий субъект обладает собственной перспективой. Поэтому одна и та же личность способна существовать в различных социальных представлениях. Для одного человека Я друг. Для другого — коллега. Для третьего — незнакомец.

Но ни одна из этих моделей не исчерпывает того, что Я переживаю внутри собственной субъективной действительности. Здесь возникает важное нравственное следствие. Я не должен считать чужое представление обо мне окончательным определением собственной природы. Но также не имею права превращать свою модель Другого в исчерпывающее знание о нём. Он обладает собственной внутренней жизнью, которая не становится полностью доступной только потому, что Я наблюдаю его поведение. Поэтому развитие самовосприятия должно сопровождаться развитием уважения к чужой индивидуальности.

Я есть для себя как непосредственный воспринимающий. Ты есть для себя как непосредственный воспринимающий. И ни один из нас не исчерпывается представлением другого.

Связь со всем существующим

В первоначальной концепции Я писал, что познание субъективной природы позволяет осознать собственную связь со всеми и со всем. Эта мысль является одной из центральных для Амбивалентного Солипсизма. Я не рассматриваю себя как полностью изолированное существо. Мой организм существует благодаря множеству взаимодействий с окружающей средой. Воздух, вода, пища, солнечная энергия, природные циклы и другие формы материи создают условия моей жизни. Язык, которым Я пользуюсь, возник задолго до моего рождения. Знания, которые Я приобретаю, формировались благодаря труду множества людей. Даже предметы, находящиеся вокруг меня, обладают историей, связанной с природными ресурсами, технологиями и общественными отношениями. Поэтому моё существование невозможно описать как совершенно независимое от мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.